



СТАРАЯ МОСКВА

В ЛЕГЕНДАХ И ПРЕДАНИЯХ



Владимир Муравьев

**Старая Москва в
легендах и преданиях**

«Алисторус»

2011

Муравьев В. Б.

Старая Москва в легендах и преданиях / В. Б. Муравьев —
«Алисторус», 2011

История окутанного легендами особняка на Арбате, известного под названиями "дом Оболенского", "дом с привидениями", "проклятый дом", поиски не менее легендарной Либереи – библиотеки Ивана Грозного, в которых принимал участие сам автор, судьба знаменитой Сухаревой башни, связанной с именем сподвижника Петра I астролога Якоба Брюса, и не менее знаменитых Красных ворот – об этих и других до сих пор до конца не разгаданных тайнах старой Москвы новая книга писателя, известного москвоведа Владимира Муравьева. Владеющий огромным историческим и фактическим материалом знаток и исследователь столицы прошлых веков не пренебрегает версиями московской молвы – живого источника, дополняющего отдаленный столетиями образ города.

© Муравьев В. Б., 2011

© Алисторус, 2011

Содержание

В легендах и преданиях	5
Москвы начало	5
Сказание, кое правее всех сказаний	10
У Крутицкого терема в Москве	11
Правда сказки о троеглавом звере и треугольном граде	13
Яузские ворота и их окрестности	22
Котельническая набережная. Начало XX века	25
Экскурсия в Москов	26
Славный богатырь из вятического града Москова	29
В поисках библиотеки Ивана Грозного	35
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Владимир Муравьев

Старая Москва в легендах и преданиях

В легендах и преданиях

Москвы начало

Еже бо обретох, то и написах

У Москвы много тайн.

И с первыми двумя мы встречаемся на первой же странице ее истории.

Одна тайна: когда, кем и как была основана Москва.

Другая: что значит само слово «Москва».

Пока на эти вопросы нет ответов, которые убедили бы и удовлетворили всех. Существуют разные мнения, высказываются разные гипотезы.

Эти вопросы начали особенно интересовать москвичей и иностранцев в XVI–XVII веках, когда Москва уже стала столицей государства, большим городом, известным во всем мире.

Уже тогда все понимали, что Москва – город древний. Но ни русские, ни иноземные историки не располагали никакими документальными сведениями о времени и обстоятельствах ее основания, даже название «Москва» отсутствовало в известных им русских летописях и иностранных хрониках.

«И кто про то знал, что Москве царством быти, что Москве государством слыти?» – так оправдывала молчание наших старинных летописцев и западноевропейских хронистов московская пословица XVII века. Но все равно и в России, и в Западной Европе ученые и просто любители старины продолжали искать ответ на заданный Москвой вопрос.

В конце XVII – начале XVIII века были наконец обнаружены в русских летописях две записи, относящиеся к Москве.

В Ипатьевской летописи, названной так потому, что она хранилась в библиотеке Ипатьевского монастыря, записан рассказ о встрече суздальского князя Юрия Владимировича Долгорукого со своим союзником новгород-северским князем Святославом Ольговичем после удачного набега Юрия на Новгородские волости, а Святослава – на Смоленские. Князь Юрий Долгорукий послал к Святославу гонца с приглашением: «Приди ко мне, брате, в Москов». При встрече князья «любезно целовастася» и «быша весели». Князь Юрий «...повеле устроить обед силен» и дал Святославу «дары многы с любовью». Произошла эта встреча, как свидетельствует летопись, в 1147 году на праздник Похвалы Богородицы, то есть 4 апреля.

В другой летописи, составленной в Твери и поэтому называемой историками Тверской, среди событий 1156 года сообщается о том, что «князь великий Юрий Володимерич (в то время Долгорукий уже стал великим князем Киевским. – В.М.) заложи град Москву на устниже Неглинны выше реки Аузы», то есть там, где находится современный Кремль.

Оба летописных сообщения о Москве свидетельствуют о событиях середины XII века, отделенных одно от другого всего десятью годами.

Этими двумя летописными сообщениями и до настоящего времени исчерпываются документальные сведения о начале Москвы.

Однако наряду с летописными (документальными сведениями) среди москвичей в XVII веке ходили устные предания о далеких временах и основании Москвы. Они передавались из поколения в поколение в течение веков, и, как это всегда бывает при устной передаче, что-то в

них переиначивалось, что-то добавлялось, а что-то забывалось. Предание, особенно древнее, имеет ту особенность, что исторически достоверным в нем остается только главное событие, которое легло в его основу, а обстоятельства, подробности, даже имена действующих лиц преобразуются народной фантазией очень вольно.

Н.М. Карамзин в примечаниях к «Истории государства Российского» приводит несколько преданий об основании Москвы, называя их «сказками», при этом он делает оговорку, что они, «вероятно... основаны на древнем истинном предании».

Почти все предания об основании Москвы, известные москвичам XVII века, в связи с интересом общества к этой теме тогда же были записаны в виде связных повествований. В записи они назывались повестями или сказаниями о начале Москвы и пользовались большим успехом у московских грамотеев. Поэтому они дошли до нас в довольно значительном количестве списков.

Эти повести отличаются друг от друга сюжетами, основателями Москвы в них выступают разные князья, и даты основания города отличаются одна от другой порой очень значительно. По ним видно, что в XVII веке на равных правах существовало несколько разных версий основания Москвы.

Записи повестей о начале Москвы в полной мере обладают всеми особенностями и недостатками устных преданий.

Иван Егорович Забелин, выдающийся историк XIX – начала XX века, автор фундаментального труда «История города Москвы», включил в него специальную главу «Сказания о начале Москвы», посвященную их разбору. Он полагает, что в них включены «ходившие в народе предания и несомненные остатки уже забытых песенных былин». Но в целом Забелин оценивает их очень строго и пишет, что эти, с одной стороны, «неученые и, так сказать, деревенские гадания по смутным преданиям или же, с другой стороны, ученые измышления по источникам старой книжности не могут ответить на вопрос, “когда и как исперва произошло начало Москвы”».

Не так категоричен Н.М. Карамзин. В списке источников, которыми он пользовался при написании «Истории государства Российского», он называет среди прочих «сказки, песни, пословицы: источник скудный, однако ж не совсем бесполезный».

Академик М. Н. Тихомиров также не игнорировал «Повести о начале Москвы» и в своей книге «Древняя Москва» (1947) использует их как исторический источник, хотя и требующий критического отношения.

Повести о начале, или зачале, Москвы делятся на две большие группы. Одну из них составляют предания, рассказывающие об основании Москвы Юрием Долгоруким, в другой группе преданий основателями Москвы выступают князья Даниил и Андрей.

Повести «О зачале царствующего великого града Москвы», в которых говорится о князе Юрии Долгоруком, основаны на достоверном историческом, подтвержденном и летописью, факте постройки городка-крепости на Москве-реке при устье реки Неглинной. Но в повестях в отличие от летописного сообщения факт основания города обрастает сюжетными подробностями.

В лето 6666-е от Сотворения мира, рассказывается в повести о Долгоруком, князь Юрий Владимирович ехал из Киева во Владимир к своему сыну князю Андрею Юрьевичу и наехал на те места, где ныне стоит царствующий град Москва.

А теми местами владел некий богатый и славный боярин Степан Иванович прозванием Кучка. Свой двор он поставил на холме между трех рек – Москвы-реки, Неглинной и Яузы, а вокруг поселил селами своих людей.

Когда приехал Юрий Долгорукий, то Кучка не оказал ему почтения, какое положено великому князю, и даже стал поносить его, грозить и выставил против княжеской дружины своих слуг.

Юрий Долгорукий осердился, приказал воинам схватить Кучку и привести к нему.

Вокруг двора Кучки не было ни стен каменных, ни острога деревянного. Недолго бились Кучка и его слуги против княжеской дружины; слуг побили, самого боярина и его детей пленили.

Боярина Кучку за его бесчинное ругательство Юрий Долгорукий повелел предать смерти, а малолетних детей – двух сыновей и дочь отослал во Владимир к своему сыну.

Сам же великий князь Юрий Долгорукий взошел на высокий берег Москвы-реки, оглядел все вокруг. Эти места ему очень понравились, и он повелел на этом холме поставить крепость – город мал, деревян. Назвал же князь его Москва-град, по имени реки, текущей под ним.

А поскольку новый град Москва стоял на земле Владимирского княжества, то Юрий Долгорукий заповедал князю владимирскому своему сыну Андрею основанный город людьми населять и посадами распространять.

Такова повесть об основании Москвы князем Юрием Долгоруким.

В XVIII веке историк В.Н. Татищев нашел рукопись «Повести о зачале Москвы», в которой рассказано по-иному об этом событии. В ней говорится, что у Кучки была жена-красавица. Она приглянулась князю Юрию, он сделал ее своею «полюбовницей» – это и послужило истинной причиной ссоры Кучки с Юрием, а потом и казни боярина.

Молодой Карамзин, тогда еще не историк, а сентиментальный поэт и автор трогательной повести «Бедная Лиза», по поводу татищевского варианта «Повести о зачале Москвы» заметил: «Любовь, которая разрушила Трою, построила нашу столицу» и предложил художникам написать на эту тему сентиментальную картину. «Мне хотелось бы представить начало Москвы ландшафтом – луг, реку, приятное зрелище строения... Князь Юрий, который движением руки показывает, что тут будет великий город. Молодые вельможи занимаются ловлей зверей... Но вдали, среди крестов кладбища, художник может изобразить человека в глубоких, печальных размышлениях... Мы угадали бы, кто он, вспомнили бы трагический конец любовного романа, – и тень меланхолии не испортила бы действия картины».

Вторую группу сказаний об основании Москвы составляют сказания, в которых действующими лицами являются князья суздальский Даниил Александрович и владимирский Андрей Александрович. В большинстве списков они имеют название «Сказание об убиении Даниила суздальского и о начале Москвы», и к ним можно полностью отнести характеристику Забелина: «гадание по смутному преданию».

Князь Даниил Александрович, сын Александра Невского – герой этого «Сказания», не имеет ничего общего, кроме имени, со своим историческим прототипом. Исторический Даниил, живший во второй половине XIII века, был князем не суздальским, а московским, и не был убит, а умер своей смертью. Исторический князь Андрей, по прозвищу Боголюбский, жил в XII веке, на сто лет раньше Даниила, и это он был убит боярами-заговорщиками. В «Сказании» использованы также некоторые мотивы предания о Юрии Долгоруком, в частности линия боярина Кучки. Все эти исторические сведения, весьма смутно известные рассказчику, преобразовались в фантастическую, но занимательную историю, относящуюся скорее к жанру уголовного романа, находившую своих заинтересованных читателей и, так же как и Сказание о Юрии Долгоруком, довольно много раз переписывавшуюся.

Сюжет «Сказания об убиении Даниила суздальского и о начале Москвы» более сложен и разработан подробнее, чем сюжет о Юрии Долгоруком.

Князь суздальский, сын князя Александра Невского, Даниил забрал к своему двору сыновей боярина Кучки вопреки желанию их отца. (В этом «Сказании», в отличие от Сказания о Юрии Долгоруком, сыновья Кучки представлены не малолетними детьми, а юношами).

Кучковичи приглянулись жене Даниила княгине Улите и стали ее любовниками. Княгиня и Кучковичи замыслили известить князя, чтобы он им не мешал, и в конце концов убили его. Узнав об убийстве Даниила, его брат князь владимирский Андрей Александрович собрал

войско и пошел на Суздаль. Суздальцы выдали ему княгиню, и он ее казнил. А Кучковичи убежали и спрятались у отца на Москве-реке. Андрей Александрович пришел к Степану Кучке, захватил боярина, его сыновей и тоже казнил их.

А затем, написано в «Сказании», «вложи Бог в сердце князю Андрею мысль... ту граду быть», что он и исполнил, основав Москву.

С точки зрения исторической достоверности это «Сказание» состоит из одних ошибок. Но некоторые его бытовые детали, например описание сел и двора боярина Кучки, несомненно, имеют под собой реальную основу.

Особую группу легенд об основании Москвы представляют собой сочинения духовных авторов – ученых книжников-схоластов, «измышления по источникам старой книжности», как эти легенды называет И. Е. Забелин. Эти авторы основу для построения своих гипотез брали из книг Священного писания и из старинных сочинений, по-своему переосмысливая, развивая и дополняя древние тексты.

Самым известным сочинением «ученой книжности» об основании Москвы является сочинение иеродиакона Тимофея Каменевича-Рвовского «Историческое древнее описание... о начале Славенороссийского народа и градов Москвы, Новаграда Великого и протчих, писанное ево (то есть автора. – В. М.) рукою лета мироздания 7207 (1699)».

Рассказ о Москве Каменевич строит на сочинениях польских хронистов и ученого-историка ректора Киевской академии монаха Иннокентия Гизеля, которые, встраивая Россию и Москву в библейскую схему происхождения народов от потомков Ноя, называют прародителем народа, живущего по Москве-реке, внука Ноя – Мосоха. Поскольку эта гипотеза основана на созвучии названия столицы России и имени библейского персонажа, Каменевич развил ее, придумав соответствующие задаче имена для жены и детей Мосоха.

«Прииде же Мосох Иафетович, шестый сын Иафетов, – пишет Каменевич, – государь наш и князь первый, в страну Скифскую великую и Землю нашу сию, так предъименуемую, на места селения сего Московского, на ней же земле мы ныне жительствуем». (Каменевич по рождению был москвич).

Мосох с родом своим поселился на высоком берегу «над двема реками». Реки были безымянные. Большую реку Мосох назвал сочетанием своего имени и имени своей жены Квы – Москва-река, а меньшую, впадающую в большую, – по имени сына Я и дочери Вузы – Явуза.

«И созда же тогда Мосох князь и градец себе малый над предвысоцей горе той, над устий Явузы реки, – продолжает рассказ Каменевич, – на месте оном первоприбытном своем именно Московском, идеже и днесь стоит на горе оной церковь каменная святого и великаго мученика Никиты, бесов мучителя и от верных человек тех прогонителя».

Очевидную и примитивную фантазию о библейском Мосохе как основателе Москвы, к тому же «обогащенную» вымышленными автором якобы библейскими персонажами – его женой Квой и детьми Я и Вузой, даже современники Каменевича-Рвовского не принимали всерьез. В одном из летописных списков XVII века летописец, переписав рассказ о Мосохе Иафетовиче, сделал такое примечание: «несть сие полезно и не правдиво».

Но, не принимая всерьез историю про Мосоха, все пишущие о московской топонимике обязательно пересказывают ее, поэтому из всех объяснений происхождения названия Москвы, она самая известная. Популярности этой легенды способствовала не только неожиданная оригинальность сюжета, но также и то, что тщеславию москвичей явно льстило указание на древность их города. По легенде о Мосохе Москва является древнейшим городом мира: Всемирный потоп, по расчетам богословов, произошел в 3213 году до нашей эры, значит, Москве, основанной лет через пятьдесят после потопа, примерно 5160 лет.

В летописном сообщении об основании Москвы Юрием Долгоруким не объясняется происхождение и значение самого слова «Москва». Никого не убеждала и версия Каменевича о сложении имен Мосоха и жены его Квы. С XVIII века начались попытки ученых – историков

и филологов разгадать происхождение и смысл слова «Москва». Выдающийся ученый-энциклопедист, автор «Истории Российской с самых древнейших времен» В. Н. Татищев (1686–1750) полагал, что название «Москва» было дано народом, населявшим эти места до славян. Тогда существовала гипотеза, что этим народом были ираноязычные племена сарматов, поэтому Татищев считал его сарматским: «Имя Москва есть сарматское, значит «крутящаяся» или «искривленная», от того, что течением весьма излучины делает, да и внутрь Москвы их не скудно». Академик Петербургской академии наук Г.-З. Байер («не зная русского языка», замечает И. Е. Забелин) утверждал, что название Москва значит «мужской монастырь» и происходит от слова «music», то есть «мужик».

Известный русский поэт и драматург второй половины XVIII века А. П. Сумароков предложил свое объяснение названия города и реки. Поскольку местность здесь, полагал он, изобиловала реками, речками и ручьями, то жители понастроили через них множество мостков, отчего главная река и город получили название «Мостква», а потом, для удобства произношения, стали говорить: «Москва».

В XIX–XX веках было выдвинуто более двух десятков гипотез о происхождении названия «Москва». Они разделяются на две группы: одна группа исследователей привлекает для объяснения языка неславянского населения этих мест, другая является сторонниками славянского происхождения названия.

Поскольку дославянским населением здесь были угро-финские племена, то на основе их языков предлагались различные варианты перевода: «темная вода», «медвежья мать», «река с притоком», «коровья река», «щавелевая река», «быстрая» и другие.

Наиболее обоснованной сейчас считается версия, по которой в основе названия лежит славянский корень «моск», выражающий понятие «влага, сырость». В настоящее время этот корень сохранился со своим значением в словосочетании «промозглая погода».

Аналогичные по корню и значению названия рек имеются на территориях, где живут или когда-то жили славяне: Московка (приток реки Березины), Московец (на Украине), Мозгава, Москава (в Польше и Германии). Корень «москы», заключающий в себе понятие «влага», по мнению лингвистов, относится к древнейшей эпохе истории славянства.

К сочинениям «книжной учености» историки относят также фрагмент летописи, который переписчики XVII века иногда присоединяли к текстам повестей о начале Москвы, предваряя его своим примечанием: «Ин (то есть иной. – В.М.) летописец повествует». В этом фрагменте из неизвестного «инога» летописного свода говорится о том, что основателем Москвы был киевский князь Олег, прозванный Вещим.

«Лета 6388 (880 г.), – сообщает этот летописец, – Олг прииде на Москву-реку, в я же текут Неглинна да Яуза, и постави ту град, и нарече Москва, и посади ту князя, сродника своего, и ины многи грады постави во странах Российских».

Историки дружно отвергли это летописное сообщение об основании Москвы, назвав его позднейшей вставкой в подлинную летопись, в которой сказано лишь о том, что Олег нача города ставити», но ничего не говорится о Москве. То есть переписчик дополнил летопись фразой о Москве, как Каменевич Библию именами Квы, Я и Вузы.

Однако романтический образ Вещего Олега, несмотря на критику историков, вызвал интерес у неискушенных любителей истории, императрица Екатерина II в 1786 году дочинила для представления на Театре в Эрмитаже историческую пьесу «Начальное управление Олега», жанр которой она определила как «подражание Шекспиру», и включила в нее сцену основания Москвы Олегом. Так появилось еще одно предание «книжной учености» об основании Москвы.

Центральным эпизодом сочинения Екатерины II является сцена торжественной закладки города. Вот как представляла эту церемонию императрица.

«Жрецы с огнем и с первым камнем для закладывания Москвы, Олег, Добрынин, Рулав, Стемид, Лидул, Радмир, вельможи, народное множество.

Жрецы первый камень для закладывания Москвы приносят к Олегу.

Первый жрец (Олегу). Чтоб камень сей класть во основание града, потребно теперь знать, как, князь Олег, велишь назвать сей град?

Олег. Да именуется сей град Москва; для устройства же определяю в нем начальником свойственника моего Радмира.

Второй жрец. По всем приметам сей град будет некогда обширен и знаменит.

Олег. Хорошо. В добрый час приступим к начальному созиданию.

(Камень жрецы кладут и заделывают во основание; орел летит чрез них).

Первый жрец. Орел летит чрез град сей не понапрасну».

Последнее замечание жреца связано с известным у многих народов поверьем, что орел предрекает победу и славу.

Тогда же пьеса Екатерины II «Начальное управление Олега» была издана отдельной книжкой и снабжена гравюрой, на которой было изображено то, что описала императрица: и закладной камень, и жрецы, и орел...

Как можно отметить, общей чертой сочинений «книжной мудрости» и про библейского Мосоха, и про Олега Вещего является то, что они относят основание Москвы к более раннему времени, чем княжение Юрия Долгорукого. К этому же выводу склоняются и серьезные историки. Так, И.Е. Забелин считает, что, хотя подлинность летописного свидетельства об основании Москвы Вещим Олегом вызывает сомнения, сама возможность этого факта не может быть полностью исключена.

Забелин называет эту позднейшую вставку в летопись не вымыслом, а скромным домышлением, которое «присвоило основание города Москвы древнему Олегу, несомненно, руководясь летописным свидетельством, что Олег, устроившись в Киеве, нача города ставити и устави дани Словеном, Кривичем и Мери. Если Олег уставлял дани Мерянам и города сооружал, то в области Мери (Ростов, Суздаль) он должен был из Киева проходить мимо Москвы, и очень немудрено, что мог на таком выгодном для селитьбы месте выстроить небольшой городок, если такой городок не существовал еще и до времен Олега». В более поздней своей работе «Посад» Забелин сказал о древности поселения «Москва» еще конкретнее: «существовал поселок от глубокой древности, первый поселок Москва».

Сказание, кое правее всех сказаний

В ряду сказаний о начале Москвы особняком стоит «Сказание о зачатии царствующего града Москвы и о Крутицкой епархии».

В отличие от всех остальных сказаний, опирающихся хотя и на недостоверные и смутные, но все-таки реалистические события, оно включает в себя сказочный, или, вернее сказать, мифологический эпизод. Именно к этому «Сказанию» Н. М. Карамзин употребил определение «сказка».

Это «Сказание» вышло из стен Крутицкого монастыря и было создано с практической целью доказать право иерархов и монахов Крутицкой епархии обитать в нем.

Сарайская, впоследствии Крутицкая, епархия была учреждена в XIII–XIV веке в столице Золотой Орды Сарае для того, чтобы христиане – пленники и вольные люди (купцы и ремесленники), оказавшись в Орде, могли исповедовать свою религию. В XIV веке к ведению Сарайской епархии были присоединены земли по Дону, она стала называться Саранской и Подонской. В Москве епархия получила землю на Крутицах – на крутом берегу Москвы-реки (отчего и дано название местности) и устроила там монастырь-подворье. В XV веке после падения татарского ига постоянным местом пребывания Сарского (так произносили на Руси слово «Сарайский»)

и Подонского епископа стал не Сарай, а московские Крутицы. Сарской и Подонской епархии определили новую территорию вокруг Крутиц, и она стала называться Крутицкой. В память же прежнего наименования епархии речки, впадающие в Москву-реку возле Крутиц, получили названия Сара и Подон. (Ныне текут в подземных трубах).

Во второй половине XVII века патриарх Никон предпринял попытку расформировать Крутицкую епархию и выселить Крутицкого владыку из его подворья.

Против этого и было направлено «Сказание о зачатии царствующего града Москвы и о Крутицкой епархии». Реформе Никона оно противопоставило древнее право епископа на владение Крутицами, поскольку древность признавалась тогдашней юрисдикцией достаточным доказательством такого права.

Поэтому понятно, почему составитель «Сказания» обратился к самому древнему, даже не историческому, а мифологическому, сказочному преданию об основании Москвы. Конечно, предание подверглось необходимой обработке в духе времени и требований поставленной задачи.

У Крутицкого терема в Москве

Сказание о зачатии Москвы и Крутицкой епархии состоит из трех частей. Сюжет об основании Москвы составляет лишь среднюю часть «Сказания». В его первой части содержатся сведения о главном персонаже «Сказания» – великом князе – основателе Москвы. Его имя – Данило Иванович, он добродетельный христианин, строитель церквей. Третья, заключительная, часть «Сказания» посвящена собственно Крутицам, в ней говорится о том, что князь Данило Иванович даровал область Крутицкую епископу Сарскому и Подонскому Варлааму.

Первая часть «Сказания» по форме представляет собой летописное сообщение.

«В лето 6714 (1206 г. – В.М.) князь великий Данило Иванович после Рюрика короля римского 14 лето пришед из Великого Новгорода в Суздаль, и в Суздале родися ему сын князь Георгий, и нарече и созда во имя его град Юрьев-Польской, и в том граде церковь велелепную созда во имя святого Георгия Стратотерпца каменную...»

То, что это не летопись, а имитация летописной статьи, показывают содержащиеся в ней исторические ошибки. Во-первых, ее датировка. Первая дата—1206 год – тут же дублируется описательной – «после Рюрика... 14 лето», это 893 год. Между ними более трех веков. Третью дату позволяет назвать факт, хорошо известный в истории, – основание города Юрьева-Польского, это 1152 год. Но его основал князь Юрий Долгорукий, а не «великий князь Данило Иванович». А главное, русская история не знает великого князя по имени Данило Иванович, такого князя не было.

Судя по дальнейшему рассказу, в третьей части «Сказания» под Данилой Ивановичем имеется в виду московский князь Даниил Александрович, поскольку именно он в начале XIV века даровал Крутицы под подворье Саровских епископов. Но это произошло не одновременно с постройкой Юрием Долгоруким города Москвы на Боровицком холме, а на полтора года позже.

Все эти ошибки были известны современникам. На одном из списков этого «Сказания» переписчик написал: «Просит писавый читателя о прощении, еже бо обретох то и написах, а мнится, что в летах и во именех князей надобно справиться поподлиннее».

Средняя часть «Сказания» по своему стилю очень отличается от обрамляющих ее начальной и заключающей сухих информационных летописных статей, какими по форме они являются. Ее с полным правом можно назвать художественным, даже беллетристическим произведением. В ней есть пейзаж, диалог, в ней появляется фантастический персонаж – неведомый «превеликий и пречудный троеглавый» зверь, явление которого оказывается пророчеством и указанием, где следует князю Даниле Ивановичу создавать свой престольный град.

По стилю и содержанию это обычная волшебная сказка, за которую и принимали историки «Сказание о Крутицкой епархии». И с ними можно было бы согласиться, если бы не странное и таинственное примечание, которое сделал на ней переписчик XVII века.

В московском Историческом музее хранится большая рукописная книга конца XVII века «Хронограф Дорофея Монеувасийского» – сборник различных исторических сочинений. В Хронографе, как бы образуя специальный раздел, переписаны четыре сказания об основании Москвы. В него вошли повести о князе Юрии Долгоруком и боярине Кучке, о князе Данииле Александровиче и убийстве его Кучковичами, о Даниле Ивановиче и Крутицкой епархии, а также приведена цитата «инога» летописца об основании Москвы князем Олегом.

В Древней Руси переписчик светских книг обычно выступал не простым копиистом, но подходил к работе творчески. Как правило, это был человек образованный, начитанный. Он выбирал для переписки произведение, которое считал ценным и нужным, переписывая, вникал в текст по-редакторски, то есть глубже, чем читатель, и становился знатоком произведения и того, чему оно посвящено, когда же он имел перед собой несколько списков этого произведения, то становился и текстологом.

Составитель Хронографа, включивший в него сказания о начале Москвы, в которых представлены образцы сказаний всех существующих сюжетных вариантов, безусловно, должен был очень хорошо и глубоко знать эту тему, поэтому его примечание к сказанию о Даниле Ивановиче имеет особую ценность и привлекает особое внимание.

Составитель и переписчик сборника сказаний о начале Москвы сократил его название, опустив всякое упоминание в нем о Крутицкой епархии и назвав его «Сказание о создании царствующего града Москвы», тем самым обратив внимание читателя на тему создания города как на главную, затем после измененного названия поставил запятую и продолжил предложение своей оценкой и указанием: «кое правее (то есть правдивее. – В.М.) всех сказаний известно, чти сие».

Сплошные исторические несообразности, волшебная сказка! – и вдруг – правдивее всех сказаний.

Однако эта приписка, что понятно и сегодняшнему читателю, а уж тем более тогдашнему, не просто совет прочесть «Сказание», но явное указание на содержащийся в сем скрытый смысл, не сразу понятный, но по размышлении доступный. Видимо, тут намек на какую-то ходившую в народе молву, или, как говорят в наше время, на всем известные обстоятельства, официально замалчиваемые.

Но что это за обстоятельства?

Молва и предания, занимавшие внимание современников составителя Хронографа, то есть людей XVII века, естественно, были крепко забыты новыми поколениями, и поэтому ученым XIX века сказание о Даниле Ивановиче и стало представляться лишь собранием исторических несообразностей и фрагментом нехитрой сказки.

Однако в середине XX века в работе академика М.Н. Тихомирова «Древняя Москва», изданной к юбилею 800-летия Москвы и потому обратившей на себя внимание не только ученых, но и всех интересующихся историей столицы, были даны особым приложением все сказания о начале Москвы из «Хронографа Дорофея Монеувасийского». После этой публикации пророчествующий о будущем Москвы трехглавый фантастический зверь обрел такую же известность и популярность, как легенда о Мосохе и его жене по имени Ква.

Однако поскольку историки объяснили, что великого князя по имени Данило Иванович не существовало, а основателем Москвы был признан князь Юрий Долгорукий, в ознаменование чего в 1947 году напротив Моссовета был заложен и в 1954 году установлен ему памятник, то в некоторых популярных работах и беллетристических сочинениях встречу с чудесным зверем стали приписывать Юрию Долгорукому.

Тем не менее всегда существовало и существует сейчас и в научных кругах, и в народе какая-то неискоренимая уверенность в том, что город Москва был основан ранее того, как Юрий Долгорукий построил крепость на Боровицком холме.

Так думали создатели легенды о «прародителе» москвитян Мосохе, в этом был уверен Каменевич-Рвовский, так полагал летописец, сделавший в летопись вставку об основании Москвы Олегом, это утверждали ученые-историки, в том числе высочайший авторитет в области истории Москвы И. Е. Забелин и выдающийся, очень осторожный в своих выводах историк академик М. Н. Тихомиров. А современный главный московский археолог А.Г. Векслер, когда ему задают вопрос, сколько лет Москве, таинственно улыбаясь, отвечает: «Много...».

В связи с юбилейным 1997 годом, когда отмечали 850-летие Москвы (ведя отсчет от первого упоминания ее летописи), особенно настойчиво задавались вопросы «когда она основана?» и «сколько ей лет?».

Историки на эти прямые вопросы прямого ответа не давали.

Эти же вопросы задавались нашим астрологам. В Академии астрологии корреспонденту «Вечерней Москвы» ответили: «Момент основания Москвы неизвестен». Аналогичным был и ответ президента Лиги независимых астрологов Каринэ Диланян: «Мы не знаем точного дня рождения Москвы».

Космобиолог А. Херсонов-Удачин уточнил известную в Тверской летописи дату заложения града Москвы Юрием Долгоруким—1156 год 23 марта.

Известный астролог Павел Глоба, произведя ретроанализ биографии Москвы и составив ее гороскоп, называет датой основания столицы России—15 мая 793 года до н. э. Другой выдающийся московский астролог Ф. Величко публикует дату «условного рождения» Москвы, то есть когда Москва стала выражать свою суть как столичного города России, – 13 мая 1413 года в 11 часов 30 минут местного времени.

Правда сказки о троеглавом звере и треугольном граде

Опираясь на выводы лингвистов о славянской природе названия «Москва» (сейчас основной научной гипотезы) и полагая, что его мог дать реке только народ, живущий в этой местности и говорящий на славянском языке, естественно отнести появление этого названия к эпохе появления здесь славянского племени вятичей.

Наиболее ранние археологические находки следов пребывания на московской земле вятичей датируются VIII–IX веками. Но в «Повести временных лет» Нестор относит появление славян в Средней России к более раннему времени, он пишет, что уже апостол Андрей в I веке н. э., совершив путь от Киева до Новгорода, сказал: «Дивно видех Словенскую землю». Картина расселения славянских племен в то время или близкое к нему, по Нестору, выглядела так: на Днепре – поляне, в Новгороде – словене, в верховьях Волги, Двины, Днепра – кривичи, по Сожу – радимичи, по Оке – вятичи. «И живяху в мире, – заключает Нестор, – поляне и древляне, и север, и радимичи, вятичи и хрвате».

В конце 1990-х годов проблема основания Москвы для своего исследования обрела еще один источник – «Влесову книгу». Влес, Волос – имя древнеславянского божества – покровителя домашнего скота и достатка в славяно-русской мифологии. В «Слове о полку Игореве» Боян называется «Велесов внуче», в документе, о котором идет речь, написано «Влес книга».

«Влесова книга» – сочинение о древнейшей истории и религии славян, написанное новгородским волхвом в IX веке, – шла к читателю и исследователю долгим и трудным путем.

В 1919 году полковник белой армии Ф. А. Изенбек вывез за границу найденные им в разоренной помещичьей усадьбе в Харьковской губернии около трех десятков дощечек из креп-

кого дерева размером 38 × 22 см толщиной 0,5 см, на которых с обеих сторон был вырезан древними буквами (рунами) сплошной, не разделенный на слова текст.

В 1930-е годы Изенбек показал эти дощечки литератору Ю. П. Миролюбову, и тот в течение нескольких лет расшифровывал и копировал их.

Оказалось, что это повествование о древней истории и религии славянства, доведенное до IX века, причем из рассказа о последних событиях можно сделать вывод, что автор повествования их современник, и, таким образом, создание этого сочинения датируется IX веком.

В августе 1941 года Изенбек умер в оккупированном немцами Брюсселе, его архив, в том числе и дощечки, забрало гестапо.

В 1950-е годы Миролюбов публикует часть текстов дощечек по тем копиям, которые он снял. Затем к исследованию дощечек присоединяются еще два русских эмигранта – ученый-биолог, занимавшийся также и историей Руси, С. Я. Парамонов, давший им название «Влесова книга» по содержащимся в тексте словам: «Влес-книгу сию посвящаем Богу нашему», и литератор генерал А. Куренков.

В СССР «Влесова книга» стала известна в 1970-е годы и вызвала большой интерес. Сразу же завязалась горячая полемика. Одни исследователи приняли «Влесову книгу» с восторгом, поскольку она давала им в руки сведения, которые отсутствовали в известных до сих пор источниках, другие отнеслись к ней скептически и видели в ней подделку. В настоящее время число уверенных в подлинности «Влесовой книги» превышает число скептиков, причем первые находят все новые подтверждения своей правоты, а вторые предъявляют один и тот же набор аргументов.

В тексте «Влесовой книги» (в русских изданиях имя бога Влеса обычно пишется в его русском полногласном звучании – Велес), как и в каждом древнем историческом сочинении, наверняка наряду с историческими фактами имеются и исторические легенды, но тем не менее, она, безусловно, является ценным источником.

Материалы «Влесовой книги», представляющие собой несколько фотографий дощечек, перерисовки, копии, расшифровки, варианты перевода, находящиеся в разных архивах, ввиду сложности текста и языка еще не изучены полностью, и поэтому каждое новое издание книги пополняется новыми фрагментами текста, вариантами перевода и комментариями.

Так, в конце 1990-х годов крупнейший знаток, исследователь и комментатор «Влесовой книги» А. И. Асов в очередном своем издании памятника опубликовал новый фрагмент, в котором говорится об основании города Москов.

Дощечка «Влесовой книги» с этим фрагментом, к сожалению, была сильно повреждена, однако смысл сообщаемого текста вполне понятен.

Вождь славянских племен, обитавших на Дунае, Моск, в конце VI века, когда «некие рода потекли на Север, и были это суть вятичи и радимичи», встал во главе их. Как написано во «Влесовой книге», они «стечеа до Моуске, градиехом Москв», то есть «сошлись к Моску и построили город Москов».

Сообщение «Влесовой книги», присоединенное ко всем остальным известным текстам и сведениям об основании Москвы, по-новому осветило эту проблему и объяснило некоторые неясности в известных источниках.

Содержащиеся во «Влесовой книге» мифологические легенды о древнейшем периоде истории предков славян, дополненные сведениями из других источников, приводим в нашем пересказе.

Давным-давно, много тысяч лет назад, люди жили на Белом море – на побережье и на островах Белом, Великом, Золотом, Фульском и других. Вместе с людьми жили в том краю и их боги.

Тогда на Белом море было тепло, каждое утро выходили на небесные пастбища Золотые Солнечные Быки, море никогда не замерзало, земля была плодородная, реки многоводные.

Люди жили богато и счастливо, растили хлеб, водили скот и молились своим богам, которые были к ним добры.

Но однажды к Белому морю прискакал из Царства Смерти на черном крылатом коне Черный всадник – Черный Змей. Он дунул на море, заморозил его, похитил и угнал по льду с Золотого острова Золотых Солнечных Быков.

Наступили на Белом море великие холода. Стали короткими светлые дни, стали длинными темные ночи. Вымерзли сады и нивы, покрылись снегом пастбища, погибал от бескормицы скот, на людей напали болезни.

И тогда боги и вожди родов и племен, чтобы спасти народ, повели его с Беломорья на юг, в иные, в теплые края. Это был тяжелый путь через холодные пустыни. Ослабевших людей догоняла стужа и превращала их в лед и камень. До сих пор на том древнем пути рассыпаны камни-валуны. Это наши пращуры, оставшиеся там навсегда...

Наконец люди дошли до таких земель, которые были хотя и не столь теплы, как некогда Беломорье, но и не так холодны, поскольку была здесь не только зима, было и лето. Раскинулись эти земли широко-широко, от одного океана до другого. (Сейчас этот огромный материк называется Евразией).

Роды и племена, вышедшие из Беломорья, разошлись по Евразии и кочевали по ее просторам с запада на восток, с востока на запад, с севера на юг и с юга на север в поисках той земли, которая была предназначена богами каждому племени и которая должна была стать родиной их потомков.

Прошла не одна тысяча лет, прежде чем каждое племя нашло свою землю. За это время племена разошлись на огромные расстояния и, живя друг от друга вдалеке, образовали разные народы. У каждого народа сложились свои обычаи, по-своему стали они говорить, и даже внешний облик их изменился.

Однако ученые нашего времени, изучая языки и древнюю мифологию современных евразийских народов, обнаружили в них общие слова, общие сюжеты мифов, что позволило установить общие корни всех этих народов. Эти народы сейчас живут на территории от Европы до Индии, и языки их относятся к группе индоевропейских.

Языковеды составили генеалогическое древо индоевропейских языков. В него входят: германские языки – немецкий, английский, шведский, норвежский, датский, исландский; итальянские (называющиеся также романскими) – итальянский, французский, испанский, румынский; кельтские – ирландский, шотландский, бретонский; славянские – сербский, польский, чешский, болгарский, русский, украинский, белорусский; индоиранские – таджикский, персидский, индийские языки; греческий, армянский и другие.

На границе I тысячелетия до н. э. и I тысячелетия н. э. в общем уже сложились основные области обитания народов Европы, но постоянно происходили переделы территорий, народы враждовали между собой.

Славянские племена в тот период обитали в Центральной, Южной и Восточной Европе по рекам Одере, Висле, Дунаю, Днепру. Их соседями были германские племена, Византия, народы Балканского полуострова. Славянам приходилось защищать свои земли от притязаний соседей.

Немецкий философ и историк XVIII века Иоганн Гердер в сочинении «Идеи к философии истории человечества», в котором он описывает роль разных народов в мировой истории, посвятил одну главу славянским народам.

Гердер пишет о том, что славяне занимали обширную территорию «от Дона до Эльбы, от Восточного до Адриатического моря» и что некоторые нынешние немецкие территории прежде имели славянское население.

Гердер описывает характер и занятия славян. Несмотря на то что славяне в войнах часто побеждали римлян, германцев, византийцев, они, – пишет ученый, – «никогда не были наро-

дом воинственным... Торговцы, земледельцы и пастухи, они обрабатывали землю и пользовались ею; тем самым после всех опустошений, что предшествовали их поселению, после всех походов и нашествий их спокойное, бесшумное существование было благодатным для земель, на которых они селились. Они любили земледелие, любили разводить скот и выращивать хлеб, знали многие домашние ремесла... Они занимались добычей руды, умели плавить металл, изливать его в формы, они варили соль, изготавливали полотно, варили мед, сажали плодовые деревья и, как того требовал их характер, вели веселую музыкальную жизнь. Они были милосердны, гостеприимны до расточительства, любили сельскую свободу, но были послушны и покорны, враги разбоя и грабежей».

Далее Гердер пишет об исторической судьбе славян: «Все это не помогло им защититься от порабощения, а, напротив, способствовало их порабощению. Ибо коль скоро они не стремились к господству над целым светом, не имели воинственных наследственных государей и готовы были лучше платить налог, только чтобы землю их оставили в покое, то многие народы, а больше всего немцы, совершили в отношении их великий грех» (М., Наука, 1977. С. 470–471).

В первой половине I тысячелетия н. э. славянские племена на Дунае вынуждены были вести постоянные войны с соседями и приходившими в Европу кочевниками. Славяне воевали с византийскими императорами, германскими племенами готов, с гуннами, аварами, хазарами и другими. Порой славяне одерживали победы и осаждали Царьград, выигрывали битвы с готами, порой терпели поражения, попадали под власть захватчиков. Летопись сохранила известия об обрах, которые «примучили» племя славян-дулебов, «творили насилие женам дулебским: если пойдет куда обрин, то не позволял запрячь коня или вола, но приказывал впрячь в телегу три, четыре или пять жен и везти его, обрина». В конце концов славянам удавалось отбиться от захватчиков, вернуть пленных, но при том они несли большие потери и никогда не знали мирной жизни, к которой были склонны по характеру.

С начала I тысячелетия н. э. некоторые наиболее теснимые славянские роды и племена радимичей и вятичей стали уходить на северо-восток в малонаселенные области – на Чудское озеро, реку Волхов, на Верхнюю Волгу, на Оку.

В 597 году византийцы предприняли очередной грабительский поход на соседей-славян. Войско византийского императора Маврикия под предводительством полководца Приска перешло Дунай, по которому проходила граница Византии со славянами, и вторглось в славянские земли. В бою с византийцами погиб славянский князь Радогост.

В то время, когда брат погибшего князь Моск и его воины творили тризну по погибшему Радогосту и, упившись вином, заснули, на них, сонных, напали византийцы и устроили побоище. Славяне не смогли сопротивляться. Многие были убиты, а те, кому удалось вырваться из окружения врагов, бежали, отступая. Византийцы ограбили окрестные селения, набрали пленных и с большой добычей двинулись обратно.

Князь Моск собрал своих оставшихся воинов, к нему присоединились воины других славянских родов, они догнали византийцев и в жестокой битве сполна отплатили им за причиненное зло. Но горька была победа. И говорили некоторые: «Враги обязательно придут вновь и поднимут свои мечи на нас, и той войне не будет конца».

Тогда Моск, после гибели брата оставшийся единственным вождем, собрал старейшин племен, и думали они, что делать. И решили вятичи и радимичи последовать за ушедшими прежде в мирные края.

Сказали люди князю Моску:

– Будь руководителем нам и заботься о нас.

И тронулись вятичи в путь.

Об этом рассказано во «Влесовой книге». Имя славного вождя Моска упоминается в сочинениях византийских авторов, современников этих событий. Византийский историк VI–

VII века Феофилакт Симокатта называет его Моусокием и сообщает, что его «варвары на своем языке называют царем». Арабский географ и историк Масуди (конец IX – начало X века) пишет о вожде волинян, объединившем племена славян, по имени Маджак, или Мадзак, в котором также можно узнать имя «Моск».

Если о событиях, предшествовавших переселению вятичей на новые земли, во «Влесовой книге» сказано обстоятельно, то о самом переходе до той реки, на которой они остановились и поставили город, никаких сведений нет.

Безусловно, их путь должен был растянуться на многие месяцы и даже годы, поскольку племена шли, не имея в виду какого-то конкретного места, они останавливались в пути на достаточно долгое время, присматриваясь и изучая местность, чтобы выяснить, годна ли она для поселения. Зная исходный и конечный пункт Движения, мы можем определить лишь их возможный и примерный путь на северо-восток через средний Днепр, где уже стоял славянский город Киев, по Десне на Оку. По Оке в районе Рязани уже жили вятичи. К среднему течению Москвы-реки Моск подошел с запада.

Из сказаний о начале Москвы только в одном, в том самом, «кое правее всех сказаний», описана часть маршрута князя – основателя Москвы, правда, ближайшая к тому месту, где он заложил город. Определяемые по тексту «Сказания» топографические пункты позволяют определить и направление движения.

Начинается описание пути с того, что князь Данило Иванович «въехав во остров темен и непроходим зело».

Остров – «лес или участок леса, обособленный по своему ландшафтному положению, выделяющийся среди основного массива (высотой, породой деревьев и т. п.». Словарь русских народных говоров. – Л., 1989. Вып. 24. С. 81). Прилагательное «темный» обычно характеризует хвойный лес. Хвойный лес, состоящий из могучих деревьев, каким и был тот, в который въехал князь, называется бором.

Память о московском боре сохранилась в современной топонимике: Боровицкий, или Кремлевский, холм.

Этот бор назван первым этапом пути князя по московской земле.

Затем в «Сказании» говорится о болоте: «В нем же (острове) болото велико и топко».

К востоку от Боровицкого лесного холма начинается низина – обширная болотистая местность Кулишки. Значит, князь двигался по левому берегу реки на восток.

Здесь, на Кулишках, простершихся от Варварской площади до Яузы между Москвой-рекой и нынешней улицей Соляной, разыгрывается центральный эпизод «Сказания»: предсказание будущей судьбы того города, который замыслил построить князь. В одном из списков этого «Сказания» в самом его названии подчеркнуто, что в нем главный смысл повествования. Сказание названо: «Краткое видение... о зачатии и создании преславного града Москвы».

«И посреде того болота и острова узре, – говорится в «Сказании», – князь великий Данило Иванович зверя превелика и пречюдна троеглава и красна (красивого. – В.М.) зело. И вопросиша Василия гречанина, что есть видение сего пречюдного зверя?»

И сказа ему Василий гречанин:

– Великий княже, на сем месте соизждется град превелик и распространится царьствие треугольное, и в нем умножатся разных различных орд люди, то есть преобразуют зверя сего троеглавого. Различные же на нем цветы, то есть от всех стран учнут в нем люди жити».

Эпизод с явлением зверя во всех известных рукописях «Сказания» излагается одинаково, почти слово в слово, что также говорит об особом внимании переписчиков именно к этой части текста.

Весьма необычной и загадочной предстает в этом «Сказании» фигура находящегося в свите князя «некоего (так о нем говорится в «Сказании». – В.М.) гречанина именем Василия, мудра и знающа зело и ведающа чему и впредь быти».

С одной стороны, сообщение о национальности («гречанин») и греческое имя Василий говорят о том, что он христианин. С другой стороны, вызывает недоумение характер его пророческого истолкования видения о будущем граде. Логично было бы ожидать в его пророчестве слов о том, что в граде будут воздвигнуты Божий храмы, но этой детали в пророчестве нет, следовательно, толкователь видения вовсе не христианин.

Вызывает вопрос и образ зверя. Кто или что такое сам «превеликий, пречудный, троеглавый и красивый зверь»?

В легендах и сказках не редкость трехглавые змеи и драконы, а вот трехглавый зверь, к тому же и прекрасный (к змею такого эпитета никогда не прилагают), появляется только в Сказании об основании Москвы.

Однажды опытному художнику, много иллюстрировавшему произведения русского фольклора и истории, довелось делать рисунок к этому эпизоду Сказания о начале Москвы. Сначала он взял за образец традиционного трехглавого Змея-Горыныча и с него сделал набросок. Но, как ни поворачивал он своего змея, не мог добиться, чтобы он выглядел соответственно образу «Сказания»: превелик, удивителен и красив. Иллюстрацию художник все-таки сделал, но остался ею недоволен. «Вот если бы хоть какое-то изображение этого зверя было, – говорил он, – чтобы от него оттолкнуться фантазии, а его – увы! – нет».

И все-таки, оказывается, его изображение есть, наш далекий предок создал образ «пречудного зверя», этот образ сохранился в традиционном русском народном творчестве, его можно увидеть и, оттолкнувшись фантазией, представить его облик.

На Руси христианская обрядность вобрала в себя элементы старинных славянских верований и обрядов. На праздник Богоявления (Крещение Господне) 6 января (по старому стилю) был обычай почитания «скотьего бога» Велеса – «освящение скотины». Хозяин в вывернутой мехом наружу шубе выводил скотину из хлева, кропил ее освященной водой, кормил хлебом, зерном, лепешками, оставшимися от рождественского стола. К этому празднику на Руси повсеместно пекли специальное обрядовое печенье в форме птиц-уточек, коровок, овец, лошадок и другой домашней живности, а также фантастических животных – «козулей». Все виды этого печенья называли общим названием «козули», поскольку в праздник «скотьего бога» Велес являлся в образе «козули», в других обстоятельствах он мог принимать другие облики.

«Козуля» представляла собой фантастическое четырехлапое животное. На его туловище с зашипанной гребешками теста, изображающими лохматость шкуры, была не одна, а три головы какого-то животного на длинных шеях. «Козуля» считалась своеобразным символом доброго пожелания как хозяевам, так и скотине.

На «козулю», по описанию «Сказания», и похож тот троеглавый зверь, который явился князю Даниле Ивановичу, по-видимому, это и был не кто иной, как сам Велес, явившийся в одном из своих образов.

В Иоакимовской летописи, названной так В.Н. Татищевым, потому что ее автором он считал новгородского архиепископа Иоакима, жившего в XI веке, рассказывается об обитавшем в Волхове в языческие времена «князе Волхова» (одна из форм имени Велеса – Влес, Волос, Волох), который мог «преобразовываться» в зверя: «Волхов бесогодный и чародей, лют в людех тогда бысть и бесовскими ухищрениями и мечты творя и преобразуяся во образ лютого зверя коркодела (крокодила. – В. М.)».

В болгарских святочных крестьянских празднествах-сурвакарах, отмечает академик Б.А. Рыбаков, сохранились элементы древнейшего обряда поклонения Велесу. «Звериные» маски участников празднеств изображают «преобразовавшегося» в зверя Велеса. Между прочим, некоторые болгарские маски очень похожи на головы русских «козулей». Другие участники

изображают жрецов Велеса – на них пестрые одежды из лоскутов, на головах высокие и пышные украшения, на ремнях, надетых на шею, висят скотьи колокольцы, в руках – ярко-красные жезлы.

К Велесу древние славяне обращались с вопросами о будущем. «И вот брались за гадание Велесово, – написано во «Влесовой книге», – и все по нему сбывалось».

По древней славянской мифологии славянские князья, – как пишет исследователь «Влесовой книги» А.И. Асов, – вели свое происхождение от какого-либо бога, и пращуром Моска считался Велес.

Поэтому мудрый и ведающий, чему «впредь быти», гречанин Василий, по всей видимости, языческий волхв, служитель Велеса.

И тут-то мы подходим к разгадке намеков переписчика: он имел в виду, что в этом сказании о начале Москвы речь идет о дохристианских, языческих временах, о языческом волховании и о князе-язычнике. Почти наверняка переписчиком «Сказания» был священнослужитель. В конце сборника, содержащего в числе прочих произведений одно из сказаний о начале Москвы, имеется приписка составителя и переписчика: «Снискася и написася книга сия тщанием живущего за Язуою в Котельниках многогрешного иерея Николаевского Андреа Григориева сына». Забелин говорит, что переписчик мог быть и «досужим мирянином», но это тоже не снимало с него обязанности избегать описания языческих гаданий и вообще упоминать что-либо о язычестве, кроме как с разоблачением и хулением его.

Тогда еще действовал указ царя Михаила Федоровича, запрещающий на Москве по переулкам и улицам на Святки скоморошить, в нем порицались те, кто на Богоявление «дару Божию хлебу поругаются, всяко животно скотское, зверино, и птичье пекут», а нарушителям запрета грозили «быти... в великой опале и в жестоком наказанье».

Приписка «правее всех сказаний» имеется на многих копиях, следовательно, о языческой основе этого «Сказания» знали или догадывались многие переписчики и многие читатели. В наше время А.И. Асов увидел в князе Даниле Ивановиче князя Моска и написал об этом в очерке «Москва ведическая» (1999).

Можно предположить, что сказание о Крутицкой епархии в своей средней части с большой долей вероятности сохранило фрагмент очень древнего сказания языческих времен о приходе вятичей и основании ими Москвы. Видимо, к этому факту и относится замечание переписчика, что оно «правее всех сказаний».

Однако продолжим путь по Кулишкам.

«В том острову [князь Данило Иванович], – повествует «Сказание», – наехав посреде болота островец мал, а на ем поставлена хижина мала, а живет в ней пустынный Букал, а потому хижина именуется Букалова».

Болотистые Кулишки ближе к Язуе переходили в луговину, заливаемую половодьем. Планы и изображения той местности, даже относящиеся к XVII веку, показывают, что луг оставался незастроенным, в устье Язуы находились водяные мельницы, была оборудована пристань для судов, но жилые постройки начинались только на левом берегу, где был подъем на холм. Так что и хижина пустытника Букала могла стоять лишь за рекой.

Видимо, отдавая дань христианской традиции, переписчик старинного сказания назвал Букала пустынником, то есть как объясняет это слово толковый словарь, человеком, из религиозных соображений поселившимся в безлюдном месте и отказавшимся от общения с людьми. Однако имя «Букал» никак не подходит для пустытника.

Такого имени нет ни в христианских святцах, ни в гражданском перечне имен, ни в древнем славянском именовании. Значит, это прозвище. А, как известно, каждое прозвище имеет под собой основание, указывая на какую-либо примечательную черту человека. Распространенным поводом для образования прозвища человека является его профессиональная деятельность.

Каждая водяная мельница стоит на запруде, и та часть водного потока, которая находится под мельничным колесом и вращает его, называется букалищем. Букалище с его крутящейся водой считалось местом обитания водяного и чертей. В рукописи XVII века про него сказано, что оно «лукавых жилище» и что это общеизвестно: «И кто бо не весть бесов, в омутах и букалицах живущих?» Живущий при мельнице мельник должен был ладить с обитателями букалица, он заключал с ними договоры, приносил им жертвы, а при особо хороших отношениях дружил с ними и даже гостил у водяных. Наверное, мельник с мельницы на Язуе пользовался у окрестного населения славой если не колдуна, то человека, почерпнувшего в букалище кое-чего из чертовщины, оттого и прозванного Букалом.

Сведения о хижине Букаловой ограничиваются лишь сообщением о ее существовании и имени живущего в ней «пустынника».

На этом прерывается повествование об основании Москвы, и автор переходит к теме Крутицкого подворья. «И после того, – говорится в «Сказании», – князь великий Данило Иванович с тем же гречанином Василием спустя 4 дни наехав горы, а в горах тех стоит хижина мала, и в той хижине человек римлянин, имя ему Подон. И возлюби князь великий место сие, и на том месте дом себе восхоте устроить.

Той же Подон исполнен духа святого и рече:

– Княже, не подобает ти zde вселитися, то есть место дом Божий, созиждут храм Божий и пребудут архиереи». И князь Данило Иванович отказался от мысли строить здесь город.

Обосновав пророчеством Подона отказ князя строить на Крутицах «себе дом», автор рассказа сообщает, что некоторое время спустя великий князь «предаде... область Крутицую... крутицким архиереям». Таким образом было подчеркнуто право архиереев владеть Крутицами и по божескому, и по княжескому определению.

Сказание же об основании Москвы завершается краткой справкой: «По сем же в 6-е лето великий князь Данило Иоаннович на хижине Букалове заложи град и нарекоша имя ему Москва».

Историки И.Е. Забелин и М.Н. Тихомиров путем логических рассуждений, опираясь на анализ историко-географической ситуации, заявили о своей уверенности в том, что при устье Язуы «от глубокой древности» существовал «первый поселок Москва» (И.Е. Забелин).

Тимофей Каменевич-Рвовский, автор Сказания о библейском Мосохе и его жене Кве, сообщает точное местоположение первопробытного городка: «...над превысоцей горе той, над устий Явузы реки... идеже и днесь стоит на горе оной церковь каменная святого и великого мученика Никиты, бесов мучителя и от верных человеков тех прогонителя...»

Наверное, Каменевич-Рвовский знал какие-то предания о том, что именно там был поставлен город. Об этом имеется также и документальное свидетельство: в Губной записи 1486 года указывается, что церковь Никиты Мученика находится на месте старого городища.

Место при устье Язуы отвечало всем требованиям, предъявлявшимся для основания города, и традициям строительства славянских городов середины I тысячелетия н. э.

Из тогдашних восточнославянских городов наиболее известен и изучен Киев, и сравнение с ним вполне оправдано.

Основание Киева относится к рубежу V–VI веков. Город был поставлен на высоком берегу Днепра при впадении в него реки Почайны. На холме встала крепость, внутри нее были княжеские хоромы, жильё дружинников, бояр. Вне крепости, на горе, находилось капище с изображениями главных богов – Дажьбога, Перуна, Хорса, Мокоши и других, внизу холма, на подоле, – капище Велеса, слободы ремесленников и там же, отдельно, слобода, где останавливались гости-купцы.

Что же, как не Киев, могло послужить славянскому князю Мосху образцом при устройстве города.

И действительно, Москва на Яузе повторила градостроительную схему Киева. Над рекой, на холме, город; выше за городом – капище; на подоле, на лугу, – капище Велеса, и также за Яузой, немного выше по течению, слобода для приезжих гостей-купцов, до XIX века это место называлось Гостиной горой.

Выбор же поставить город на Яузе, а не на каком-либо другом притоке Москвы-реки определился тем, что Яуза была судоходной, являлась частью торгового пути с балтийского севера на восток – в волжский Булгар и далее – Персию. Она была соединительным звеном между Клязьмой и Москвой-рекой.

Существует несколько объяснений названия «Яуза», но наиболее убедительно происхождение от глагола «вязать, связывать». Забелин приводит ряд названий рек, которые происходят от этого же корня: Вязьма, Вязь, Ваза, Уза.

Город Моска, построенный по плану старого Киева, свое звание получил так же, как и Киев, – от имени своего основателя с прибавлением падежной флексии, означающей принадлежность, Кий – Киев, Мосх(к) – Москов.

По городу вся территория расселения родов Моска получила название Московь, а текущая в ее пределах река стала называться Москвой-рекой.

Название города и территории в форме «Москов» и «Московь» продержалось до середины XII века. Об этом свидетельствует первое летописное упоминание Москвы в 1147 году: «Приди ко мне, брате, в Москов», сохранившее для истории первоначальное название Москвы.

Видимо, оно бытовало еще достаточно долго. Москвичей стали называть москвичами только в XIII веке, до этого их называли московлянами; от старой формы названия образованы также наименования «московиты», «Московия».

Если с XII века объяснение значения названия города Москвы заключалось в тайне названия реки, на которой он стоит: «и прозва его прозванием Москва-град по имени реки, текущая под ним», то теперь требуется объяснить значение имени вятического князя Моска.

Собственно говоря, языковеды давно уже включили название «Москва» в область значений древнего индоевропейского корня «москы», означающего влажность, сырость, жидкость, включая в число слов этого ряда и слово «мозг» с понятием вещество, заполняющее череп. В древнерусских текстах встречаются два написания этого слова: мозгъ и мозкъ. В устной речи слово «мозг» произносится как «моск».

В русском языке слово «мозг» может выступать синонимом понятия «ум», довольно часто об умном человеке говорят: «мозговитый».

О князе Моске во «Влесовой книге» говорится, что он «о единстве земли заботился, разум имел и о нас радел», был наделен «силою и мудростью».

А.И. Асов так объясняет значение имени «Моск»: «Имя это явно индоевропейское. Сие слово принадлежит к целому “кусту” слов, корень коих “мосх” или “моск” суть пособ произношения слова “мозг” со “мудрость” (ср. авестийское Ахура Мазда – Господь Мудрость). Сие имя могли принимать как священное вожди и князья, которые вставали во главе племенных союзов и почитались мудрейшими. Это – династийное имя».

Кроме поставленных в начале очерка вопросов, когда и кем была основана Москва и что значит слово «Москва», мы попутно вынуждены были поставить и решить еще один вопрос, который поначалу и не возникал: где была заложена Москва, потому что знали по летописи ее местоположение: «Князь великий Юрий Володимеричь заложи град Москъву на устий же Неглинны, выше реки Аузы». Слова «на устье реки Неглинной» точно определяют место построенного города, а вот дополнительная ссылка на Яузу совершенно излишняя. Хотя, если летописец так написал, значит, вкладывал в свое сообщение какой-то определенный смысл.

За этими словами скрывается тот факт, что в это время еще стоял Москов на Яузе, и, хотя земля Московь уже входила в Суздальское княжество, Юрий Долгорукий не решился занять и

перестроить древнее вятическое поселение, в котором жили его исконные обитатели. К тому же они тогда еще сохраняли свою языческую религию.

Юрий Долгорукий поступил здесь так же, как при основании в 1152 году города Переяславля на Плещеевом озере. Хотя там уже существовал славянский (по мнению М.Н. Тихомирова) город Клещин, князь, как сказано в летописи, «град Переславль от Клещина перенес и созда больши старого, и церковь в нем постави камену святого Спаса». А от древнего Клещина до сих пор сохранились земляные валы укреплений.

Год основания Московского города Москов можно назвать почти точно. Поход византийского полководца Приска на славянские земли датируется 597–598 годами. В ряде списков «Сказания», «...кое правее всех...», указывается, что князь Данило Иванович заложил град Москов «на шестое лето». Таким образом, получается, что Москва была основана в 604 году.

И в нынешнем 2006 году она вступает в свой 1402-й год, то есть в пятнадцатый век своей жизни.

Яузские ворота и их окрестности

Живописность московских видов вошла в поговорку, которая утверждает: «Кто в Москве не бывал, красоты не видал». Многочисленные свидетельства тому содержатся в мемуарных и литературных произведениях отечественных и иностранных писателей и путешественников. В 1817 году Н.М. Карамзин составляет «Записку о московских достопамятностях» «... для некоторой особы, ехавшей в Москву». Этой особой была императрица Мария Федоровна, вдова Павла I, почти не знавшая древней столицы. Карамзин, назвав главные исторические памятники Москвы, приводит перечень лучших видов города – из Кремля, с Воробьевых гор, от Симонова и других монастырей, которые, как он замечает, «...большую часть стоят на прекрасных местах». В московские путеводители XIX века часто включался отдельной главкой рекомендательный список «Лучшие виды Москвы», в 1836 году был издан даже специальный путеводитель «Панорамы Москвы и ее окрестностей в новейшем их виде и положении».

Время, конечно, изменяло облик города. Но, даже несмотря на варварскую реконструкцию, проводившуюся весь XX век и продолжающуюся в настоящее время, московские виды остаются одной из главных достопримечательностей города. В них наряду с историческими и архитектурными памятниками проявляется то своеобразие облика Москвы, которое позволяет ей занимать достойное место в ряду мировых исторических столиц.

Сохранились некоторые прежние виды на Москву – из Кремля и на Кремль, с Воробьевых гор и другие, открылись новые.

Москворецкий мост. 1930-е гг.

В конце сентября 2001 года на Общественном градостроительном совете Москвы было принято и утверждено решение «о фиксации в качестве исторических» восьми панорам Москвы, то есть запрещения строительства, искажающего эти панорамы или закрывающего их обзор. В число первых заповедных панорам вошли: виды на Кремль с Большого Каменного и Москворецкого мостов и Софийской набережной, виды на Красную площадь от Исторического музея и от храма Василия Блаженного, виды на Театральную площадь – на Большой театр от Китайгородской стены и от Большого театра на Китайгородскую стену, а также вид на площадь Яузских ворот.

Современная площадь Яузских ворот в официальных городских справочниках имеет границы: «между Яузским бульваром, Яузской ул., Устьинским пр. и ул. Солянка». В натуре это прямоугольник московской земли размером приблизительно тридцать на двадцать метров, на котором когда-то стояли Яузские ворота Белого города, а сейчас проложены трамвайные рельсы. Это перекресток, по которому движется транспорт с Солянки к Яузскому мосту от Яузского бульвара на Устьинский мост.

По московской традиции название «Яузские ворота» шире, чем название площади, оно относится к тем старинным московским названиям, которые москвичи давали определенной местности, небольшому району – нескольким улицам, переулкам, объединявшимся вокруг какого-либо центра и составлявшим нечто вроде отдельной слободы. Иногда название было привязано к одной из улиц района, например, Пресня, Арбат, иногда это было название района без привязки к конкретной улице, например, Замоскворечье, Кулишки. К последнему виду относится и название «Яузские ворота». Его происхождение не таит в себе никаких загадок, оно известно с конца XVI века, когда были возведены крепостные стены Белого города по линии нынешнего бульварного кольца с воротами на основных улицах-дорогах, в том числе и на Яузской улице, по которой шла от Кремля дорога к Яузе. Ворота обычно получали названия по подходящим к ним дорогам и улицам, поэтому они получили название Яузских.

Двести лет спустя, в конце XVIII века, стены и ворота Белого города были снесены, а название осталось. Но за эти века оно обрело иное значение, чем просто название ворот, оно стало названием окрестного района в границах, не совпадавших с полицейским административным делением города, но прочно укоренившихся среди москвичей.

В путеводителе по Москве «Москва. Подробная справочная книжка для приезжающих и живущих в столице», изданном в 1848 году, ее автор землемер М.Д. Рудольф о Яузских воротах дает такую справку: «"Яузские ворота" – название по реке Яузе. Несуществующее место».

К путеводителю прилагался план города, который, как на нем написано, «...с натурою соображал землемер М. Рудольф». Можно представить, как профессионального землемера, имеющего дело с конкретными участками земли со своими точными границами и наименованиями, раздражало название, всем известное, но которое никто в натуре не мог привязать к конкретной точке, и то, что спрошенный местный житель, указывая рукой в разные стороны – на Яузу, на Солянку, на окрестные переулки, уверенно утверждал: «Вот это и есть Яузские ворота».

В послереволюционные 20-е годы название «Яузские ворота» исчезает из справочников московских улиц на целые полвека. Случилось это из-за существовавшей в городской администрации тенденции избавляться от тех городских названий, по которым «нет прописки», то есть нет ни жилых домов, ни учреждений, адрес которых надо было бы указывать в официальных документах.

Перекресток Яузских ворот вернулся в справочники около 1980 года, на этот раз как официальная площадь. Но даже несмотря на то, что сменилось два поколения, укоренившееся и, главное, практически нужное и употребляемое название «Яузские ворота» никогда не уходило из живой речи и сознания москвичей, так же как и представление о границах территории района, им обозначенного.

Старинные районы создавались не по воле администратора, а складывались благодаря своим внутренним связям. С самого своего основания Москва росла и расширяясь за счет окружавших ее сел и слобод, а известно, что в каждом селе, каждой слободе существовали свои внутрислободские, родственные, соседские, экономические связи, складывались свои обычаи и порядки, был свой церковный приход, свои лавки и базары. Входя в состав города, эти села и слободы сохраняли в какой-то мере особенности в характере населения, в быте, то есть «имели свое лицо».

Поэтому старинное московское название не только сохраняется в памяти москвичей как условное топографическое обозначение какой-либо определенной местности, но заключает и хранит в себе огромное множество связанных с этой местностью представлений, воспоминаний, чувств, мыслей, настроений, необъяснимо возникающих через века, подобно тому, как имя человека, с которым когда-то довелось встретиться, вызывает представление о его внешнем и духовном облике. У старинных московских районов существует свой мифологический

образ: образ Арбата, образ Замоскворечья, образ Марьиной рощи. Свой облик и характер имеют и Яузские ворота.

Как особенность сложившихся три-четыре столетия назад московских районов следует отметить, что их незримые границы настолько рациональны и естественны, в отличие от последующего районирования, что сохранились в подсознании жителей, несмотря на изменения, происходящие при развитии города и общественного быта.

Территория Яузских ворот включает в себя Яузскую улицу, площадь Яузских ворот, устье Яузы, Яузский мост и примыкающую к нему часть Заяузы с Николаямской улицей, с переулками Таганского холма – бывшей Вшивой горки. В XVII веке Яузская улица продолжалась до Таганской площади, и ворота Земляного города, находившиеся на ней, назывались Яузскими.

Одним из признаков этого территориального единства, наверное, может служить и то, что в предвоенные годы, когда в Москве существовали мальчишеские «дворовые» группировки, Яузские ворота на своей территории не знали межличной вражды.

Наряду с территориальным единством старинные московские районы представляли собой и своеобразный градостроительный ансамбль, древнейшим зерном которого было село или слобода. Район Яузских ворот в основе своей возник и развивался как сочетание целого ряда тесно соседствующих слобод, в которых жили и трудились ремесленники – серебряники, котельники, гончары, кузнецы и люди других занятий и профессий, поэтому характерной чертой его облика всегда было различие в застройке и планировке отдельных частей района, причем различия не разрушали общего. Эту черту район сохраняет и в настоящее время. Нынешнее Постановление об охране исторической панорамы Яузских ворот отмечает, что здесь сложился интереснейший архитектурный ансамбль.

Со сквера, разбитого между Устьинской набережной Яузы и Устьинским проездом к Москве-реке, можно окинуть взглядом открывающуюся с него круговую историческую панораму Яузских ворот, ее разновековой ансамбль.

Начнем слева, с угла Солянки и Яузского бульвара. Тут стоит двухэтажный дом конца XVIII века, скромное благородство его облика свидетельствует о том, что строил его хороший архитектор. Это здание – одна из гостиниц, возведенных в конце XVIII века архитектором В.П. Стасовым у ворот Белого города. За гостиницей возвышается красно-белая церковь с колокольней – церковь Петра и Павла, что на Кулишках, построенная в 1700–1702 годах и представляющая собой памятник московского барокко. Церковь хорошо видна: она высока и стоит на возвышенности, поэтому ее также называли «церковь Петра Павла Высокого» и «что у Яузских ворот на Горке».

Мимо углового дома Солянки на площадь Яузских ворот выходит проезд Яузского бульвара, на противоположном гостинице Стасова углу проезда начинается Яузскую улицу белоколонный двухэтажный дом, ладный и уютный, настоящий московский ампи́р пушкинской эпохи, в 1820—1830-е годы он принадлежал профессору Московского университета С.А. Смирнову. За ним виден верхний этаж особняка начала XX века, построенного в стиле модерн как фантазия на темы романского Средневековья. К ампи́рному дому с колоннадой вплотную примыкает каменная одноэтажная лавка постройки XVII века. Рядом с ней – выходящий фасадом на Яузскую улицу особняк XVIII века, некогда принадлежавший деду жены А.С. Пушкина Н.Н. Гончаровой – Афанасию Абрамовичу Гончарову.

Около дома Гончарова, на углу с Серебряническим переулком, поднимается бело-голубая, легкая и причудливая, построенная в 1781 году в стиле барокко церковь-колокольня Троицы Живоначальной, что в Старых Серебряниках – чудесное творение известного архитектора Карла Бланка.

Далее взгляд, скользнув по верхнему этажу полускрытого высоким парапетом моста двухэтажного купеческого дома первой половины XIX века, останавливается на Яузском мосту через Язу.

За мостом Яузская улица круто поднимается вверх, на гору. Это один из тех семи холмов, на которых, по утверждению летописцев, стоит Москва, – Красный холм, его также называют Таганским, так как на его вершине находятся Таганская площадь и Таганские улицы. Слева от моста, у подножия холма, унылое современное здание Библиотеки иностранной литературы, но взор на нем не фиксируется, потому что застройка поднимающегося холма представляет собой более живописное и разнообразное зрелище. По левой стороне улицы сквозь старые деревья просвечивает здание и флигеля дома-дворца конца XVIII века, ныне занятые Яузской больницей. По правой – за рядом домов почти на вершине холма виднеется изящная шатровая колоколенка XVII века церкви Никиты Мученика.

Правую часть панорамы Яузских ворот замыкает высотное здание – «высотка на Котельнической набережной». Как ни велико это здание, но все же не больше Красного холма, и, наверное, поэтому оно не выглядит здесь вызывающе инородным, но образует ансамбль с холмом и всем тем, что на нем находится.

Такова современная панорама Яузских ворот. Ее прелесть заключается в том, что здесь, на Яузской улице, сохранился в законченной целостности выразительный фрагмент Москвы XVIII – начала XIX века, Москвы Екатерининской, Павловской, Александра I, Москвы Карамзина и Пушкина, причем Москвы не парадной, не дворовой, не музейной, а живой. Особую остроту «пушкинскому» пейзажу придает фон из высоких зданий «сталинской» архитектуры.

Котельническая набережная. Начало XX века

Яузские ворота до определенного времени не входили в число популярных туристских маршрутов, обычно ориентирующихся на обозрение выдающихся и общеизвестных памятников архитектуры и истории.

Однако в 1970-е годы Яузские ворота привлекли пристальное внимание московских художников, и почти на каждой большой коллективной выставке 1980—1990-х годов можно было увидеть этот уголок старой Москвы. Его писали и рисовали разные живописцы и графики: Г. Захаров, И. Сорокин, А. Горский, М. Стриженов, О. Демидова, В. Волков, А. Горяинов, М. Дедова-Дзядушинская, Б. Стариков, С. Андрияка и др. Но как непохожи их работы! На всех узнаваемые здания у Яузских ворот, повороты и изгибы улиц, вливающих в площадь, мост через Язу, и в то же время каждая работа – словно какие-то иные Яузские ворота. Конечно, настроение художника, его стиль, его видение мира, наконец, время года и время суток, точка зрения в какой-то степени объясняют эти различия, но главное, думается, в другом – в самой натуре, раскрывающейся перед художником не сразу и не полностью. Художники интуитивно чувствуют это. Некоторые из них вновь и вновь возвращаются сюда и вновь рисуют – так велико обаяние Яузских ворот.

Впрочем, художники нашего времени далеко не первые из тех, кто был очарован этими местами.

В 1699 году дьякон Тимофей Каменевич-Рвовский, когда писал о праотце Мосохе и его жене Кве, назвал место, на котором тот основал город, не только «первоприбытным» и «именно Московским», но и «всепрекрасным». Уже тогда москвичи оценили этот вид.

Карамзин в «Записке о московских достопамятностях» называет «прелестным» «вид с бывшего места кн. Безбородко, в Яузской части». Это «место», то есть «владение» екатерининского вельможи, находилось в начале Воронцова поля, у церкви Николы в Воробине (или на Гостиной горе), откуда открывался вид на Яузские ворота и на устье узы с церковью Никиты Мученика.

В 1820—1830-е годы вид устья Яузы относился к числу привлекательнейших. Путеводитель того времени так представлял его читателю (указывая удобным для обозрения то же место, которое называет и Карамзин):

«Идя от Покровских ворот хорошим бульваром... и спускаясь с возвышения мимо огромного дома, принадлежавшего прежде генералу Хитрову, вы, почтенный читатель, конечно, не откажетесь остановиться и полюбоваться прелестнейшим видом Замоскворечья, частью набережной Вшивой горки и устья крутоберегой Яузы; точно, вид сей нелестен: это смесь столичного великолепия с милою простотою природы. Реки Москва и Яуза придают неизъяснимую прелесть сей картине, достойной поистине внимания наблюдателя и кисти художника. Перо наше слабо изобразить ее, но мы рекомендуем место сие и решительно можем сказать, что оно принадлежит к лучшим видам нашей столицы. Долго идя между рядами огромных зданий, вы вдруг поражаетесь картиною сего местоположения, вдруг открывается она пред вами, и вы придете в изумление от вида трех разнообразных городов, соединенных при устье Яузы».

Название «Вшивая горка», данное в XVIII – первой половине XIX века обращенному к Яузе склону Таганского холма, тогда никого не шокировало. Оно значило лишь то, что на нем, за церковью Никиты Мученика, находился известный всей Москве рынок-барахолка, из тех, которые Москве назывались «вшивыми», как в Париже подобный рынок назывался «блошиным». В конце XIX века, когда рынок давно был закрыт и о нем забыли, а название холма сохранилось в народной памяти, оно стало казаться «неприличным». И тогда, посчитав название «испорченным», предложили «облагородить» его – заменить на «Шивая» или «Ушивая», объясняя это тем, что якобы на холме жили портные-швецы, и на нем росла сорная трава ушь.

Экскурсия в Москов

В последнее десятилетие XX века и первые годы XXI столетия окрестности Яузских ворот стали местом экскурсионных маршрутов. Сохранившиеся здесь архитектурные памятники XVII–XIX веков позволяют экскурсоводу рассказать и о слободской Москве допетровских времен, и о новых и старых вельможах петровского и екатерининского времен, и о пожаре 1812 года, и о пушкинской эпохе (и о самом великом поэте – он тоже здесь бывал). А для рассказа о современности представляет много занимательных сюжетов высотный дом на Котельнической набережной.

Однако здесь же, в устье Яузы, ее крутоберегие склоны сохраняют приметы более далекой эпохи – тех времен, когда город назывался еще не Москва, а Москов. Везде обнаруживается его присутствие – нужно только внимательно посмотреть и подключить воображение, чтобы представить себе древние улочки и переулочки, терема высокие...

В поселении человека, в деревне или городе, в том числе и в Москве, самая древняя его часть – земля, на которой оно стоит, и самые старые, самые первые памятники – рельеф местности и другие природные и геологические объекты, которые в первоначальные времена оказали решающее влияние на возникновение поселения и на его характер.

Впоследствии часто оказывалось, что природные условия, по мнению человека, становились помехой развитию поселения, и тогда он начинал заниматься исправлением природы.

Свой рассказ о древней Москве Иван Егорович Забелин предваряет предупреждением: «Древняя топография города имела иной вид и представляла больше живописности, чем теперь, когда под бульжною мостовую везде исчезли сохраненные только в именах церковных урочищ поля, полянки и всполья, пески, грязи и глинища, мхи, ольхи, даже дебри (или дерби), кулишки, т. е. болотные места и самые болота, кочки, лужи, враги-овраги, енды-рвы, горки, могильники и т. п.». Об этом следует помнить, исследуя и описывая Москву старых времен, но также это надо учитывать, говоря о современной Москве, потому что под зданиями и под

замощенными, заасфальтированными улицами лежит та же земля, которая была и до того, как она стала называться московской.

Иногда она вдруг напоминает о себе не только мощными холмами, но и прорвавшимся на поверхность ручьем или освободившимся волей случая из-под каменного и асфальтового панциря клином первобытной почвы.

Такой клин в 1970-е годы появился у Яузских ворот, вернув пейзаж к тем временам, когда это место еще не называлось Яузскими воротами, потому что они еще не были построены.

В 1970-е годы была также снесена застройка правой стороны Яузской улицы и весь квартал до Москворецкой набережной. До сноса этот квартал был правой стороной Яузской улицы, сейчас он стал частью площади Яузские ворота. На месте снесенных зданий разбит сквер, на нем подросли деревца, загустел кустарник, образовались лужайки, на которых в сенокосную пору встают аккуратные стожки сена.

Эти стожки переносят нас в очень далекое прошлое: издавна, как уже говорилось, низина Москвы-реки, примыкающая к устью Яузы, была лугом и использовалась для выпаса скота. На низком берегу Яузы были пристани, в XIX веке о них еще помнили и набережную называли Пристанищем, а до начала 1930-х годов из воды возле берега торчали осклизлые верхушки старых свай.

Известный москвовед П.В. Сытин, много лет изучавший московские названия, написавший на эту тему несколько книг, в последней из них, подводящей итоги его исследованиям, пишет: «Названия московских улиц, переулков и площадей – нерукотворные памятники многовековой жизни города, его природы, истории, архитектуры, искусства, революции и социалистического строительства. Они более живучи, чем многие памятники материальные, даже памятники архитектуры и искусства. Измененные и замененные новыми названиями, удачные старые названия часто еще долго живут в народе».

Жизнь названий и память о них измеряется многими веками. Некоторые названия «первоприбытного» уголка Москвы через тысячу лет пронесли память о «первоприбытных» временах. Пристанище – одно из них.

Другое название – Васильевский луг. Так называли обширный луг по левому берегу Москвы-реки от стены Китай-города до устья Яузы.

Наиболее распространенное объяснение происхождения этого названия указывает на якобы устроенный здесь князем Василием Ивановичем, отцом Ивана Грозного, великокняжеский сад. Однако И.Е. Забелин, специально занимавшийся изучением дворцовых садов, установил, что тот сад... является только на планах времен царя Алексея Михайловича», то есть во второй половине XVII века, название «Васильевский» существовало значительно раньше. Другое объяснение: там, мол, любил бывать известный московский юродивый Василий Блаженный, потому и назвали его – Васильевский луг.

Но более вероятным и имеющим под собою реальную историческую основу представляется следующее происхождение и история этого топонима.

Так как здесь, на лугу, в первоначальные времена Москвы находилось капище Велеса, луг назывался Велесов, как в древнем Киеве холм, на котором находилось капище Перуна, Перуновым холмом.

В христианские времена капище Велеса исчезло, и в кое-то время произошла замена имени языческого бога именем христианского святого Василия, и по созвучию имен, и потому, что святой Василий также считался «скотым» покровителем.

С Яузского моста видно, как выше по течению реки правый берег поднимается мощным холмом, этот холм – еще одна заселенная часть древнего подола – Гостиная гора. Ее название также древнего происхождения и сохранялось за ней до конца XVII века. Построенная на ней в 1690–1693 годах в стрелецкой слободе Воробине церковь Николая Чудотворца имела два

уточняющих прибавления к названию: «что в Воробине» и «что на Гостиной горе». Церковь снесена в 1930-е годы, память о ней осталась в названии Николоворобинского переулка.

Выше по течению Яузы, на верху Гостиной горы, находится еще один храм – церковь Илии Пророка на Воронцовом поле. Хотя главный престол храма – Благовещение Пресвятой Богородицы, а во имя Илии Пророка освящен лишь придел храма, церковь называют Ильинской, и этому есть своя причина. Современный храм, вернее его полуразрушенное здание (богослужения совершаются в доме причта), был построен во второй половине XIX века на месте прежнего храма, возведенного в XVI веке и перестроенного в XVIII веке.

Храм XVI века был построен по приказанию великого князя Василия III в 1514 году и освящен во имя Благовещения Пресвятой Богородицы, потому что день рождения князя приходился на этот праздник. Однако и этот храм был не первым в селе Воронцовом возле соснового бора. Память об этом боре сохранилось в названии ближайшего Подсосенского переулка. В XV веке тут уже была церковь, в летописной статье за 1476 год она упоминается под названием Ильинской: «...в четверток великий бысть знамение в солнци... далече же от него лучи сияющи два един видим нами аки за св. Ильєю иже под Сосною».

Дату же основания церкви во имя Пророка Илии, в XVI веке переименованной по великокняжескому повелению в Благовещенскую, однако продолжающей называться в народе Ильинской, следует отнести далеко в глубь веков, поскольку немало времени должно пройти, чтобы название церкви настолько утвердилось в сознании людей, что об ином и подумать было невозможно. Об этом же говорит и то, что престольный праздник на Илью Пророка 20 июня издавна традиционно сопровождался ярмаркой, народным гуляньем с хороводами и качелями. Традиция эта прекратилась лишь после проведения по Садовому кольцу линии конки.

Название «Васильевский луг», в котором угадывается древнее имя Велеса, а также церковь Илии Пророка на Гостиной горе заставляют вспомнить топографию древнего Киева и сравнить с ней топографию древней Москвы.

«Подольские возвышенности (незатопляемая при половодье часть. – В. М.), судя по обнаруженным материалам, были заселены уже в VII–VIII вв., что, несомненно, указывает на раннее формирование Киевского посада... – пишет археолог П.П. Толочко в книге «Древний Киев» (1983). – Одним из убедительных свидетельств сказанного выше (кроме находок монет и вещей иностранного происхождения) является то, что на берегу Почайны – речной гавани, принимавшей торговые флотилии из многих стран мира, почти за полвека до принятия Русью новой веры действовал первый христианский храм Киева – церковь св. Ильи. Рассказывая о заключении договора 944 года между Византией и Русью, летописец пишет, что часть Игоревой свиты (языческая) во главе с князем принесла присягу на верность договору на холме, где стоял Перун, а «хрестяную Русь водиша роте (присяге) в церкви святого Ильи, яже есть над Ручаем, конец Пасынче беседы». Далее летописец объясняет, что это была соборная церковь, которую посещали не только русские, но и иностранцы, естественно, если они были христианами. (На месте древней церкви в Киеве, как и в Москве, и сейчас стоит церковь во имя Ильи Пророка. – В. М.)

Кроме христианского храма на Подоле IX–X веков имелся и языческий – капище Велеса («скотьего бога»). По мнению исследователей, местоположение капища на Подоле вблизи городских пастбищ вполне объяснимо. Перед идолом Велеса люди вымаливали покровительство скоту. Не исключено и другое объяснение. В.О. Ключевский полагал, что «скотий бог» символизировал также богатства и меновые ценности, потому что скот и деньги по тем временам были синонимами. В таком случае храм Велеса на Подоле покровительствовал и торговле.

А теперь, полюбовавшись, как его характеризует старый путеводитель, «прелестнейшим видом» устья крутоберегой Яузы, начнем подниматься на Таганский холм по переулку слева от высотного здания. Этот переулок называется «Большой Ватин», и его название представляет собой топонимический анекдот. Ведущий к церкви Никиты Мученика переулок до революции

назывался Никитским. В 1922 году, борясь с церковными названиями, его переименовали. Основанием для нового названия послужила надпись на могильной плите конца XVI века, обнаруженной на церковном кладбище, под которой покоился прах купца Ватина, названного «строителем» храма. Позднее обнаружилось, что фамилию прочли неправильно: купец был не Ватин, а Вагин. Однако решение о переименовании переулка уже было подписано, так он и остался Ватиным.

Поднимемся по Ватину-Никитскому переулку и пойдем бродить по улочками и переулочкам, одни из которых поднимаются вверх, другие идут поперек холма. Их причудливый рисунок – следствие того, что при своем возникновении они приспособивались к рельефу. Несмотря на то, что при позднейшем строительстве рельеф выравнивался, совсем сгладить холм не получилось.

Улочки и переулочки Красного холма – ценнейший исторический памятник, памятник градостроительства.

Названия некоторых улиц сохраняют память о былых слободах: Гончарная улица, Котельнические переулки. Другие были переименованы, но прежние названия до сих пор не забыты. Так, Нижняя и Верхняя Радищевские улицы, получившие эти названия в 1919 году, прежде назывались Болвановскими. Они находились выше церкви Никиты Мученика, за первоначальным городом. По летописи известно, что в древнем Киеве за городом, «вне двора» теремного, находилось капище. Там, пишет Нестор, стояли «кумиры... Перуна деревяна, а голова его серебряна, а ус золотой, и Хорса, и Дажьбога, и Стрибога, и Семаргла, и Мокош». На Руси объемные изображения нехристианских богов называли болванами. Болвановские улицы проложены были там, где стояли «болваны», то есть было языческое капище. Сейчас старинное название местности сохраняет церковь, известная по документам с начала XVIII века, – храм святителя Николая на Болвановке (Современный адрес: Верхняя Радищевская, 20).

Старейший москвовед Виктор Васильевич Сорокин, живший на Таганке, рассказывал, что он часто встречал академика Бориса Александровича Рыбакова, бродящего по переулкам вокруг церкви Никиты Мученика. Тогда Рыбаков как раз занимался славянским язычеством. (Возможно указанием на то, что церковь построена на месте языческого капища, может считаться и ее старинное название, приводимое Каменевичем-Рвовским: «Никиты Мученика, бесов мучителя». В названиях других московских церквей этого святого уточнение «бесов мучителя» отсутствует.) В книге «Язычество Древней Руси» (1987) Б.А. Рыбаков, говоря о языческих капищах, пишет: «В докняжеской языческой Москве таким сакральным урочищем был, очевидно, холм, на котором, судя по названию «Болваны» (у Таганки), находились некогда идолы».

За долгие века существования московского поселения на холме при устье Яузы множество людей жили и бывали здесь, ходили и ездили по этим улицам и переулкам.

Конечно, чем ближе к нашим дням, тем больше можно назвать имен и рассказать о большем числе событий и случаев, связанных с этими местами. Но и далекие былинные, почти мифические времена князя Владимира Красное Солнышко оставили на этих улочках и переулочках свой след.

Славный богатырь из вятического града Московя

Всем известны главные герои русского былинного эпоса – три богатыря Илья Муромец, Добрыня Никитич и Алеша Попович. Илья Муромец – крестьянский сын из главного города Муромы да из села Карачарова, Алеша Попович – «млад сын» ростовского попа Леонтия, а Добрыня Никитич «остался по смерти отца старого купца Никиты малым младенцем», растила его матушка «честна вдова Офимья Александровна», а где они жили, о том говорится в былине:

Жила честна вдова Офимья Александровна
В Москве на Горке на Вшивоей,
И остался от батюшки молодой Добрынюшка Никитич.

Сказитель былины, указывая местоположение двора матери Добрыни, поступил так же, как это сделал, объясняя, где было поселение библейского Мосоха, Каменевич-Рвовский. Оба они называют наиболее известный в их время ориентир этого места. В XII веке при Каменевиче-Рвовском это была церковь Никиты Мученика, при рассказчике былины – в середине XVIII – начале XIX века – таким ориентиром стал рынок и народное название этого района. Но и в том, и другом случае речь идет об одном и том же месте – городе-крепости Моска – Москве.

Былина, которая начинается этими словами, называется «Добрыня и Маринка», она была записана в 1863 году в Олонецкой губернии от старика, который, как сообщает публикатор былины известный фольклорист П.Н. Рыбников, перенял ее, в свою очередь, у девяностолетнего старика – «первостепенного сказителя».

Исследователи установили, что эпические былины в той форме, в какой они дошли до нас, складывались в XI–XVI веках. Но при этом они вбирали в себя более ранние эпические народные сюжеты и в то же время изображали современные события. Таким образом, получилось, что былина – это сложное, многослойное произведение, в одной былине находили отражение разные эпохи и разные события. При этом оставались неизменными характеры персонажей былины, олицетворявшие народные представления о добре и зле, справедливости и несправедливости, о народных понятиях красоты и безобразия, об идеальном человеке, который достоин уважения и подражания.

Таковыми идеальными героями явились богатыри Илья Муромец, Добрыня Никитич и Алеша Попович. Кроме того, что они представляли собой образцы для подражания как личности, все вместе они выражали главную государственную идею Древней Киевской Руси – идею о единстве всех русских земель – и западных, и южных, и восточных. Художественным выражением этой идеи и являются былины о трех богатырях из Залесской Руси, служащих киевскому князю и стоящих заставой на общей западной границе.

В былинах постоянно подчеркивалось социальное происхождение и место рождения главных богатырей: Илья Муромец – крестьянский сын из Мурома да из села Карачарова, Алеша Попович, как говорит и его прозвище, сын попа Леонтия из Ростова Великого. На этих данных значительной мере и строились их образы. Добрыня Никитич такой четкой сословной и территориальной привязки не имеет, хотя в некоторых былинах и сообщается, что его отец был купцом – «богатым гостем» из Рязани.

Во второй половине XIX века, когда былины стали предметом научного исследования ученых и вошли в курсы истории русской литературы, фольклористы так называемой исторической школы занялись поиском исторических прототипов былинных персонажей. Воин Илья Русский, упомянутый в скандинавских сагах XII–XIII веков, был ими отождествлен с былинным Ильей Муромцем, в русских летописях нашлось несколько упоминаний имени Алеши Поповича как участника сражений в X и XIII веках. Ясно, что речь шла о разных людях с одинаковыми именами, но в то же время, по мнению этих исследователей, подтверждалось реальное существование и былинного персонажа.

С Добрыней получилось и проще, и сложнее. Имя это известно в русской истории, и, более того, один из носителей этого имени – современник князя Владимира, поэтому он и был объявлен историческим прототипом былинного Добрыни Никитича.

Исторический Добрыня – близкий родственник князя Владимира, его дядя, ближайший советник, воевода и вельможа. С одной стороны, такой исторический персонаж поднимал

образ былинного героя, с другой стороны, по своему социальному положению он совсем не подходил в друзья и соратники богатырской заставе, состоящей из крестьянского сына и попovichа, и, уж конечно, не мог быть в подчинении у крестьянина, а в былинах Илья Муромец называется атаманом, Добрыня же – податаманьем.

С конца XIX века былины изучались в школе, к ним был большой интерес в обществе, на их сюжеты создавались литературные произведения, писались оперы, художники рисовали былинную Русь. Вызывали интерес и исторические комментарии ученых, и случилось так, что исторический Добрыня заслонил собою образ былинного. Былинный Добрыня в представлении читателей не имел таких ярких и определенных черт, как образы Ильи Муромца и Алеши Поповича.

Неопределенность образа Добрыни обуславливалась не только тем, что его старались приспособлять к историческому прообразу, но и тем, что былины о Добрыне самые древние из всего богатырского цикла, поэтому в них гораздо меньше реалистических событий и описаний, чем в былинах про Илью Муромца и Алешу Поповича. Происхождение основного сюжета былин про Добрыню – борьба богатыря со Змеем – относится не к историческим, а мифологическим сюжетам, поэтому конкретных исторических сведений о Добрыне в былинах немного, но они все-таки имеются.

Имеющиеся в былинах сведения о том, что Добрыня родом из Рязани, но не из города, а из рязанской земли, и родился он, когда Рязань еще «не городом слыла», а была селом, указывают на давность этого события. Рязань – места древнего поселения вятичей, в летописи XV века говорится: «Вятичи и до сего дня, еже есть Рязанцы». Таким образом, Добрыня, как и Илья Муромец с Алешей Поповичем, уроженец Залесской Руси.

Одна из былин рассказывает, что его богатырские подвиги начались в родных краях. Почти во всех былинах о Добрыне его купанье во Пучай-реке и сражение со Змеем Горынычем происходят на Киевской земле. Но в одном из вариантов былины «Добрыня и Змей» отец Добрыни, рязанский гость-купец, умирая и оставляя вдову с младенцем, просит ее удержать сына от сражения со Змеем:

Как захочет он купатися,
Он захочет ныряться,
Все пусть не ездит нынъ к Оке-реке.
Да река Ока зла-относлива,
Отнесет его, Добрынюшку,
Как ко тем горам высокиим,
Тут прилетит змея к нему...

Но Добрыня не послушался запрета матушки, поехал на Оку-реку, там и налетела на него «змея лютая».

Таким образом, действие переносится с Киевщины в среднерусские земли, на Оку, в область обитания вятичей. Поэтому вполне закономерно, что вдова богатого купца после смерти мужа из села переехала в вятический город – Москову.

В былине «Добрыня и Маринка» идет речь о молодых годах Добрыни, когда он «зачал» ездить, то есть прогуливаться, по городу.

И наказывает Добрынюшке матушка:

– Ай же ты, Добрынюшка, свет Никитинич!
Езди, Добрынюшка, по каменной Москвы,
Улочками езди и переулочками,
И езди, Добрынюшка,

во далече-далече во чисто поле...

И далее продолжает:

Когда будешь, Добрынюшка, близ города Киева,
И заедешь ты, Добрынюшка, во Киев-град,
Езди, Добрынюшка, улочками,
Езди, Добрыня, переулочками,
А не езди ты, Добрынюшка,
Во тья улочки Маринские...

Маринка в былинах «Добрыня и Маринка» – молодая горожанка, красавица, живущая одна в богатом тереме, собирающая к себе на вечеринки красных девиц и молодух, но идет о ней и дурная слава: известно, что есть у нее «полюбовник млад Тугарин Змиевич», что обольщает она добрых молодцев, а обольстив, превращает их в «гнедых туров и рысучих оленей», поскольку она еще и колдунья.

Добрынина матушка называет ее не иначе, как злодейкой и ненавистницей.

Сюжет о Добрыне и Маринке такой же древний, как и сюжет о борьбе со Змеем. В былинах, записанных в XVIII–XIX веках, этот сюжет предстает в осовремененном виде, но в его основе лежит древний славянский миф о борьбе богатыря со злым божеством – богиней Марой. В славянской мифологии Мара – богиня злой судьбы, провозвестница смерти, несчастья, гибели, она могла увести с собой того, кому явилась. Людям она являлась в виде привидения, женщиной с распущенными волосами.

В современных народных поверьях сохраняется образ мара – злого духа, но не столь могучего, как в древней мифологии, сейчас ее называют также кикиморой.

Далее в былине «Добрыня и Маринка» рассказывается о том, что «забыл Добрынюшка наказаньице матушкино» и «заехал во тья улочки в Маринские».

Действие переносится в Киев. Но, думается, что здесь, в былине, начинающейся с точного указания на Москву, неожиданный перенос действия в Киев произошел под мощным влиянием всего корпуса былин, для которых Киев является обычным местом действия.

Кроме того, из дальнейшего повествования выясняется, что Добрыня до поездки в Маринкины переулочки знал Маринку и даже собирался на ней жениться, поэтому более логично предположить, что она живет в том же городе, что и он.

Итак, Добрыня, забыв «наказаньице матушкино», заехал в переулочки Маринские. Далее следует описание хором Маринки:

У злодейки Маринки ненавистницы
Построены терема высокия,
Просечены окошка косявчатая,
И поставлены колоды белодубовы,
Наличники положены серебряныя,
И на каждом окошечке голубь со голубушкою.

Добрыня достал из колчана стрелу, натянул тугой лук, пустил каленую стрелу в окно терема.

Старинный обычай сватовства путем стрельбы из лука известен у многих народов. Он описан в древних прениях марийцев (мери – дославянского населения бассейна Оки), а в русском фольклоре в сказке про Царевну-лягушку.

В это время у Маринки был гость, лежал в постели «мил друг» поганый Тугарин Змиевич, и стрела Добрыни поразила его насмерть.

Добрыня послал за стрелой-ответом к Маринке своего слугу, Маринка стрелу не отдала, сказала: «Кто стрелочку стрелил, пускай сам сюда придет».

У Добрыни бело тело распотелось,
А богатырское сердце разгорелось,
И скочил Добрынюшка тут со добра коня
И побежал во теремы высокие.

Когда же обнадеженный Маринкой Добрыня ушел, то коварная злодейка:

Брала свой нож булатный,
И куда ступал Добрынюшка Никитинич,
Знать-то гвоздики шеломчатые,
И подскоблила следы Добрынюшкины,
И спустила Добрынюшку оленем рысучим в чисто поле.

Со следующей строки действие былины продолжается в Москве:

И проведала его родитель-матушка,
Честна вдова Офимья Александровна,
Что обернут сын оленем рысучим в чисто поле,
И зачала искать по каменной Москве докторов,
Чтобы отвернуть Добрынюшку добрым молодцем,
Но не нашла в Москве докторов...

Затем следует опять киевская вставка, не оправданная ни сюжетом, ни смыслом:

И поехала во славный во Киев-град,
И нашла она бабушку задворенку,
И смолилась она да от желаньца:
– Ай же ты, бабушка задворенка!
Отверни-тко ты Добрынюшка добрым молодцем.
И возговорит бабушка задворенка:
– А возьми-тко ты меня саму да в каменну Москву
И на ту ли Горку на Вшивую.

Дальше местом действия сюжета становится Вшивая горка. Бабушка говорит Офимье Александровне:

– Принеси-ко ты Добрынюшкин тугой лук
И принеси-ко ты да калену стрелу.

Оказывается, оружие Добрыни находится в Москве, значит, убежал он в чисто поле оленем из Москова. Получив лук и стрелы, старушка натянула тугой лук, пустила стрелу, а сама приговаривала:

– Ты летай-ко, моя стрелочка, по чисту полю,

Доищи-ко ты Добрынюшка Никитича,
Оленя рысчучего в чистом поле:
Пусть бежит во матушку в каменну Москву,
На ту ли на Горку на Вшивую.
– Этая бабушка задворенка
Сделала Добрынюшку добрым молодцем,
И сама говорит таково слово:
– Ты возьмешь ли, Добрынюшка,
Маринку за себя замуж?
И возговорил Добрынюшка Никитич:
– Не надоб мне Маринки на широкий двор.
Этая бабушка задворенка
Обвернула злодейку собакою:
– Ты бегай-ко, злодейка, век и по веку,
Отныне и до веку.

Такова былина о Добрыне Никитиче и о древнем Москове, когда жили в нем и богатыри, и колдуны, и стояли на его улочках и в переулочках терема высокие.

В переулках Таганского холма как не вспомнить старинную былинку!

* * *

Окрестности Яузских ворот – древнейшая часть Москвы, место первого городского поселения, аналогичное заповедной Старокиевской горе. Но наша гора в отличие от киевской не исследована археологами, не объявлена заповедником, хотя эти места хранят тайну основания Москвы, могут рассказать о жизни древних москвичей и подтвердить предположения и догадки историков-москвоведов об истинном возрасте нашего города, давно перешагнувшего свое тысячелетие.

Здесь наша Троя...

В поисках библиотеки Ивана Грозного

Поиски так называемой библиотеки (или Либери, как ее часто называют на латинский лад) Ивана Грозного насчитывают уже четырехвековую историю. Самые первые известные нам сведения о поисках относятся к 1600–1601 гг. Именно тогда прибывшие с польским посольством в Москву на торжества по поводу воцарения Бориса Годунова канцлер Лев Сапега и ученый монах Петр Аркудий имели поручение Ватикана собрать сведения о библиотеке московских государей, состоящей из греческих рукописей.

О результатах своих розысков Лев Сапега писал папскому нунцию в Краков из Можайска 16 марта 1601 г.: «В деле светлейшего кардинала Сан-Джоржо, возложенном на достопочтенного Петра Аркудия, – справиться у москвитян о некоей греческой библиотеке, – я приложил в этом деле крайнее старание, но, как я слышал от самых главных сенаторов, никакой такого рода библиотеки в Москве не было. Сначала-то они, по обычаю своему, хвастали, что очень много греческих книг у их патриарха, но когда я тщательно настоял, то решительно отрицали, чтоб у них была какая-либо знаменитая библиотека». Петр Аркудий в доказательство справедливости сообщений о том, что библиотеки нет и не было, приводит такое соображение: не мог, мол, византийский император вверить драгоценную библиотеку на сохранение московскому князю, который, являясь данником татарского хана, «жил в столь великом и почти постоянном страхе».

Но донесения Сапег и Аркудия, хотя и категоричны, не очень-то доказательны, они скорее свидетельствуют о стремлении их авторов убедить адресатов, что исполнение возложенного на них поручения невозможно по объективным причинам, и раз навсегда избавиться от него. Видимо, они имели для этого веские причины. (Историк А. А. Амосов в примечаниях к публикации работы Н.Н. Зарубина «Библиотека Ивана Грозного и его книги» (1982 г.) замечает: «Можно предположить, что, несмотря на отрицательный итог своих поисков, Аркудий не разуверился в существовании Московской библиотеки. В этом отношении весьма интересным является то обстоятельство», что Аркудий был учителем следующего искателя библиотеки – Паисия Лигарида»). Однако Петр Аркудий правильно определил первую и главную задачу проблемы: получить доказательства самого существования библиотеки. К этому постоянно возвращались все последующие ее искатели, стоит эта задача и сегодня. От того или иного ее решения зависят дальнейшие шаги: искать или не искать.

Весной 1979 года мы с писателем Василием Николаевичем Осокиным – энтузиастом поисков «Либери» – ехали на электричке в Александров, где, по его убеждению, она должна находиться (об этом ниже), и весь неблизкий путь обсуждали различные факты и соображения, как в поддержку его теории, так и против нее. Он, естественно, выступал сторонником Александровской идеи, я – оппонентом, и, когда мой скептицизм достиг своего апогея, Василий Николаевич воскликнул, возвращаясь к вопросу вопросов:

– Да вы хоть верите в то, что она существует?!

Итак, доказательства существования библиотеки.

В «Сказании о Максиме Философе» (рукопись XVII в.) говорится, что в 1516 г. «государь великий князь Василий отверзе царская сокровища древних великих князей, прародителей своих, и обрете в некоторых полатах (другой список этого же сочинения уточняет: «в преславном граде Москве») бесчисленное множество греческих книг, словенским же людем отнюдь не разумны». Далее рассказывается о том, что князь Василий для перевода этих книг пригласил ученого монаха с Афона Максима Грека, который и приехал в Россию. «По мале же времени, – продолжает «Сказание», – великий государь приснопамятный Василий Иоаннович сего инока Максима призвав и вводит его в свою царскую книгохранительницу и показа

ему бесчисленное множество греческих книг. Сей же инок во многообразном удивлении бысть о толиком множестве бесчисленного трудолюбного собрания и с клятвою изрече пред благочестивым государем, яко ни в грецах толикое множество книг сподобихся видеть». Сам Максим Грек, рассказывая о своей переводческой деятельности в России, говорит, что переводил книги «по многа лета в книгохранительнице заключенных бывших».

Н.М. Карамзин в «Истории государства Российского» на основании «Сказания о Максиме Философе» полагал, что это была библиотека «греческих духовных книг, собранных отчасти древними великими князьями, отчасти привезенных в Москву Софиею». В дальнейшем наиболее распространенной стала версия, что основу княжеской библиотеки составили книги, принадлежавшие византийским императорам и привезенные в Россию женой Ивана III Софией Палеолог – племянницей последнего византийского императора.

Следующее известие о библиотеке относится уже ко времени Ивана IV Грозного, сына Василия Ивановича, и содержится в «Хронике», написанной рижским бургомистром Францем Ниенштедтом (1540–1622) в 1604 году.

После взятия Юрьева (Дерпта) Иван Грозный в 1565 г. выселил оттуда немцев и повелел расселить их по русским городам. В ссылку с ними последовал пастор Иоганн Веттерман. Он, видимо, не подозревался в сношениях с ливонским магистром, поехал добровольно и имел право свободного передвижения: «...пас свое стадо, как праведный пастырь, и, когда не было у него лошади, шел пешком от одного города до другого»; Иван Грозный знал пастора и отличал его. «Его, – сообщает Ниенштедт, – как ученого человека, очень уважал великий князь, который даже велел в Москве показать ему свою либерию, которая состояла из книг на еврейском, греческом и латинском языках и которую великий князь в древние времена получил от константинопольского патриарха, когда москвит принял, христианскую веру по греческому исповеданию.

Эти книги, как драгоценное сокровище, хранились замурованными в двух сводчатых подвалах.

Так как великий князь слышал об этом отличном и ученом человеке, Иоганне Веттермане, много хорошего про его добродетели и знания, потому велел отворить свою великолепную Либерию, которую не открывали более ста лет с лишком, и пригласил чрез своего высшего канцлера и дьяка Андрея Солкана, Никиту Высровату и Фунику вышеозначенного Иоганна Веттермана и с ним еще нескольких лиц, которые знали московитский язык, как-то: Фому Шреффера, Иоахима Шредера и Даниэля Браккеля, и в их присутствии велел вынести несколько из этих книг.

Эти книги были переданы в руки магистра Иоганна Веттермана для осмотра. Он нашел там много хороших сочинений, на которые ссылаются наши писатели, но которых у нас нет, так как они сожжены и разрознены при войнах, как то было с Птолемеевой и другими либериями. Веттерман заявил, что хотя он беден, но отдал бы все свое имущество, даже всех своих детей, чтобы только эти книги были в Протестантских университетах, так как, по его мнению, эти книги принесли бы много пользы христианству». Ниенштедт сообщает и об источнике сообщаемых сведений: «Обо всем этом впоследствии мне рассказывали сами Фома Шреффер и Иоганн Веттерман. Книги были страшно запылены, и их снова запрятали под тройные замки в подвалы».

Франц Ниенштедт правильно называет имена приближенных царя Ивана IV деятелей – посольского дьяка Андрея Щелкалова, хранителя печати Ивана Висковатого, казначея Никиты Фуникова. Косвенным подтверждением возможности подобной демонстрации царских книжных сокровищ пастору может быть замечание князя Курбского в одном из его посланий о том, что некоторые богатые люди в России любят похвастаться своей библиотекой: «...писание священное и отеческое кожами красными и золотом с драгоценными камнями украсив, и в казнах

за твердыми заклепы положи, и тщеславнующися ими, и цены слагающе, толики и толики сказуют приходящим».

В 1819 г. профессор Дерптского университета Христофор Христиан фон Дабелов обнаружил в фондах архива г. Пярну несколько пожелтевших листочков с записями на старонемецком языке, содержащими в себе перечень некоторых редких книг из библиотеки Ивана Грозного: «Сколько у царя рукописей с Востока. Таковых было всего до 800, которые частью он купил, частью получил в дар. Большая часть суть греческие; но также много и латинских. Из латинских видены мною: (далее перечисляются сочинения, среди которых названы и не имеющиеся ни в одной из мировых библиотек). Сии манускрипты писаны на тонком перемене и имеют золотые переплеты. Мне сказывал также царь, что они достались ему от самого императора и что он желает иметь перевод оных, чего, однако, я не был в состоянии сделать. <...> Греческие рукописи, которые я видел, были: (следует перечень)».

Каталог не подписан, но ясно, что его составлял не Веттерман. Поэтому анонимный автор является еще одним свидетелем существования библиотеки и конкретными названиями подтверждает заявление дерптского пастора о том, что в библиотеке имеется «много хороших сочинений, на которые ссылаются наши писатели, но которых у нас нет».

Таковы прямые свидетельства о библиотеке Ивана Грозного.

В 1950-е гг. историк и филолог И. Денисов пришел к заключению, что автором «Сказания о Максиме Философе» является Андрей Курбский, его точку зрения разделяют А. А. Зимин и Н. В. Сеницына. Таким образом, первые сведения о библиотеке Ивана Грозного принадлежат его современнику, человеку, близкому к царю и осведомленному, что служит ручательством за достоверность рассказа.

Пастор Веттерман был последним известным нам и оставившим письменное свидетельство человеком, который видел библиотеку. О дальнейшей ее судьбе нет никаких положительных сведений. Рассказы очевидцев сменяются историей ее поисков, увы, безуспешных.

Некоторые исследователи считают, что библиотека сгорела при одном из пожаров, которые регулярно опустошали Москву. Но так как библиотека благополучно сохранялась во всех пожарах того полувека, которое прошло между посещениями ее Максимом Греком и Веттерманом, в том числе в страшнейшем пожаре 21 июня 1547 г., о последствиях которого в летописи записано: «...и оружничая полата вся погоре с воинским оружием, и постелная полата с казною выгоре вся; и в погребех на царском дворе, под полатами, выгоре вся деревяная в них», то, значит, она должна наверняка сохраниться и в последующих пожарах.

Есть предположение, что библиотека была разграблена. Но тогда бы книги и рукописи из нее, безусловно, оказались в каком-нибудь книжном собрании и стали известны, а до сих пор они нигде не обнаружены, несмотря на специальные поиски. Значит, библиотека не была разрознена.

О сокровищах библиотеки московских государей на Западе стало известно во второй половине XVI в., и тогда же ею заинтересовались. О миссии Сапеги и Аркудия говорилось выше. В 1662 г. в Москву прибыл газский митрополит грек Паисий Лигарид, ученик Аркудия, он обратился к царю Алексею Михайловичу с просьбой разрешить ему пользоваться книгами закрытой для всех царской библиотеки, ибо, пишет он, «вертоград, заключенный от алкающих, и источник, запечатленный от жаждущих, по справедливости считаются несуществующими. Я говорю сие к тому, что давно уже известно о собрании вашим величеством из разных книгохранилищ многих превосходных книг; поэтому нижайше и прошу дозволить мне свободный вход в ваши книгохранилища для рассмотрения и чтения греческих и латинских сочинений». Ответ царя на письмо газского митрополита неизвестен, но ему ответил патриарх Никон: «...о книгах пишешь до царского величества, яко от многих стран собраны суть и запечатлены без пользы; несть была на се царская воля, но мы трудились в тех и есть ныне в дальних наших монастырех отвезены». Лигариду были предоставлены рукописи и книги из Патриаршей биб-

лиотеки. Видимо, в России при царском дворе о тайной библиотеке Ивана Грозного уже никто не помнил и не знал.

Правда, все же какие-то слухи ходили. Голландский дипломат Никлас Витсен, находившийся в России приблизительно в то же время, что и Паисий Лигарид, в одной из дневниковых записей 1664 г. рассказывает, что на его расспросы о царской библиотеке «говорят определенно, что здесь находятся древние книги Александра Великого, а также летописи страны и карты», но она недоступна посторонним, «только одни наши братья имеют туда доступ». Скорее всего, в ответе смешались предания о легендарной библиотеке древних рукописей и сведения о государственном архиве, но Витсен явно интересовался библиотекой Ивана Грозного.

Следующий эпизод, который, может быть, имеет отношение к библиотеке, относится к правлению царевны Софьи, которая посылала дьяка Большой казны Василия Макарьева обследовать тарный подземный ход под Кремлем. О результатах экспедиции, дьяка знаем из донесения бывшего пономаря московской церкви Рождества Иоанна Предтечи на Пресне, которое он подал в 1724 г. в канцелярию фискальных дел.

«Есть в Москве под Кремлем-городом тайник, – писал Конон Осипов, – а в том тайнике есть две палаты, полны наставлены сундуками до стропу (до сводов). А те палаты за великою укрепою; у тех палат двери железные, поперег чепи и кольца проемные, замки вислые, превеликие, печати на проволоке свинцовые, а у тех палат по одному окошку, а в них решетки без затворов. А ныне тот тайник завален землею за неведением, как веден ров под Цехгауэный двор и тем рвом на тот тайник нашли на своды, и те своды проломаны и, проломавши, насыпали землю накрепко». На вопрос, откуда ему известно о тайнике, пономарь объяснил, что «стал сведом Большой казны от дьяка Василья Макарьева. Сказывал он, был де он по приказу благоверных царевны Софьи Алексеевны послан под Кремль-город в тайник и в тот тайник пошел близ Тайницких ворот, а подлинно не сказал, только сказал подлинно, куды вышел – к реке Неглинной, в круглую башню, где бывал старый точильный ряд. И дошел оный дьяк до вышеупомянутых палат, и в те окошка он смотрел, что наставлены сундуков полны: палаты; а что в сундуках, про то он не ведает; и доносил обо всем благоверной царевне Софье Алексеевне, и благоверная царевна по государеву указу в те палаты ходить не приказала. А ныне в тех палатах есть ли что, про то он не ведает».

Петр I распорядился отпустить средства на поиски этой «поклажи». Конон Осипов искал «поклажу» в 1724 г., но после смерти Петра I поиски было приказано прекратить. По новому доношению поиски возобновились в 1734 г., но тоже были прекращены, поскольку «работы было не мало, но токмо поклажи никакой не отыскал». Правда, ни до одного из четырех указанных Осиповым мест в раскопках так и не дошли.

Может быть, в сундуках находилась библиотека, может быть, как предполагает И. Е. Забелин, старый царский архив.

В конце XVIII в. была опубликована хроника Ниенштедта. Н.М. Карамзин, не сомневаясь в достоверности рассказа пастора Веттермана, включил эпизод посещения библиотеки Ивана Грозного в «Историю государства Российского».

В 1819 г. профессор Дабелов нашел в архиве г. Пярну уже упоминавшуюся опись, опубликовал в 1822 г. и вернул подлинник в архив. Публикация документа прошла незамеченной.

Но несколько лет спустя публикация Дабелова привлекла внимание его коллеги профессора права Дерптского университета Вальтера Фридриха Клоссиуса, занимавшегося изучением древних греческих и латинских сочинений. Попытки отыскать в архиве бывший в руках Дабелова документ окончились неудачей, он пропал. Клоссиус все же добился разрешения на поиски этих рукописей в русских архивах и библиотеках. Несколько лет он обследовал государственные и монастырские библиотеки и архивохранилища, но ни одной названной в описи Дабелова рукописи не обнаружил. В 1834 г. он напечатал статью «Библиотека великого князя Василия и царя Ивана Васильевича», в которой с грустью констатировал, что это книж-

ное собрание «не смогло спастись от губительных опустошений, испытанных Россией в прежние времена. Оно исчезло, не оставив после себя никаких следов, и все старания получить какие-нибудь сведения о нем остались тщетными».

Новый взрыв интереса к проблеме связан с именем немецкого филолога приват-доцента Страсбургского университета Эдуарда Тремера. Он приехал в Россию в 1891 г. для изучения хранящихся в русских библиотеках и архивах древнегреческих рукописей, прочел не известную ему ранее статью Клоссиуса, в которой, был приведен поразивший его список Дабелова, и решил заняться поисками перечисленных рукописей. Обследовав несколько архивов, он вынужден был признать вслед за Клоссиусом, что в них «нет и следа потерянных книжных сокровищ царя Ивана IV», Тогда он предположил, что библиотека должна остаться там, где ее видел Веттерман, то есть в подземном тайнике. Тремер подал прошение на имя царя, чтобы ему было разрешено при помощи «железного зонда» провести археологическое исследование на территории Московского Кремля. Разрешение было получено, но несколько попыток не дали результата: зонд попадал на материк. Однако Тремер считал, что его неудача обусловлена лишь тем, что он напал «не на настоящий пункт». Уезжая из России, он передал газете «Московские ведомости» статью «Библиотека Ивана Грозного», где публично высказал свою уверенность в правильности избранного им направления и метода поиска. «С тех пор как решено произвести исследования всего Кремля, – писал он, – вопрос об исчезнувшей библиотеке царя Ивана IV находится под счастливой звездой. Наука поздравит Россию, если ей удастся отыскать свой затерянный клад, но она с благодарностью отнесется даже и к отрицательному результату поисков, если не удастся найти тайное хранилище библиотеки, потому что тогда и только тогда вопрос о судьбе сокрытых 800 рукописей будет окончательно решен с тем, чтоб навсегда умолкнуть».

Статью Тремера вспомнили два года спустя, в 1894 г., когда в различных изданиях прошла серия публикаций статей ученых о подземной Москве: И.Е. Забелина «Подземные хранилища Московского Кремля», где он приводил донесение Конона Осипова; Н.П. Лихачева «Царская библиотека в XVI столетии»; А.И. Соболевского «Библиотека и архив Ивана Грозного», «Подземные палаты московских царей» и другие. Все эти авторы считали необходимым начать раскопки в Кремле в поисках библиотеки Ивана Грозного или его архива, директор Исторического музея Н.С. Щербатов получил разрешение на раскопки, была заложена траншея между Благовещенским и Архангельским соборами, обнаружены каменные стены древней кладки, но тайника там не было; под Арсенальной башней нашли начало подземного хода, дальнейшие же раскопки прекратили, так как кончились отпущенные на них средства.

Но среди ученых единого мнения не было: если И.Е. Забелин полагал, что библиотека погибла, то ученый-архивист, сотрудник Главного архива министерства иностранных дел С.А. Белокуров вообще отрицал ее существование. В 1894 г. он вступил в полемику. После появления статей И.Е. Забелина и А.И. Соболевского, вспоминал он впоследствии, «я счел нелишним напечатать в «Московских ведомостях» свое мнение по этому вопросу (статья «О библиотеке и архиве царя Ивана IV»), именно, что в Московском Кремле род земель нет ни библиотеки, ни архива царских XVI века. Моя статья не убедила г. Соболевского в ошибочности его мнения, и ответ свой он поместил в одном из №№ «Нового времени». Между нами завязалась полемика, принявшая такой тон, который заставил желать возможно скорого ее прекращения. С тем большею охотою я привел, в исполнение это свое желание, что вполне убедился в бесполезности полемики для выяснения затронутых вопросов. Принятый г. Соболевским тон мешал спокойному обсуждению предмета речи; а обнаруженные им в статьях познания не давали надежды узнать что-либо новое касательно библиотеки или архива царских XVI века. Вместо полемических статей нашел я более полезным написать особое исследование о спорных вопросах».

В 1898 г. С. А. Белокуров опубликовал обширное исследование «О библиотеке московских государей в XVI столетии», в котором подвел итог всем своим предыдущим изысканиям и полемике с оппонентами.

Его вывод был однозначен.

«Из всего изложенного я позволю себе сделать следующие выводы:

1. Мы не имеем ни одного современного русского свидетельства о существовании в XVI в. царской библиотеки, состоящей из громадного количества иноязычных рукописей (греческих, латинских и еврейских).

2. Свидетельство хроники Ниенштедта по многим причинам весьма сомнительно и не может быть принято.

3. Список профессора Дабелова – поддельный.

4. У царя Ивана IV была библиотека, состоявшая из русских, литовских, польских и 1 немецкой книг и рукописей, в коей могло быть (прямых указаний на это нет) и несколько греческих рукописей, но 600 греческих, латинских и еврейских рукописей в ней не было, и

5. В Московском Кремле под землей никакой библиотеки царской нет».

Белокурову за это исследование была присуждена почетная премия министерства просвещения, в отзыве о нем утверждалось: «После обстоятельного и подробного исследования Белокурова вопрос о царской библиотеке может считаться исчерпанным. Отыскивать следы мнимых рукописных сокровищ Ивана IV станет только ученый, увлекающийся беспочвенным воображением и не доверяющий исторической критике».

Конечно, какой же ученый признает, что увлекается беспочвенным воображением и не доверяет исторической критике? И «серьезные» ученые стали просто чураться темы библиотеки Ивана Грозного. Авторитет труда С.А. Белокурова был столь высок, что и через двадцать лет, уже после смерти автора, известный историк академик М. М. Богословский писал о нем: «...ни в одной из работ Белокурова его талант разыскателя не проявился, может быть, с такой силой, как в его книге о библиотеке московских государей», он доказал, что «разыскивать несуществующую библиотеку напрасно», и полемике по поводу библиотеки Ивана Грозного «книга Белокурова положила конец».

Но в то же время лет десять спустя после его выхода в свет исследование С.А. Белокурова прочел молодой археолог Игнатий Яковлевич Стеллецкий и не согласился с его выводами. На основе документов, приведенных в книге, а также публикаций И.Е. Забелина, А.И. Соболевского, Н.П. Лихачева Стеллецкий пришел к прямо противоположному выводу, что библиотека Ивана Грозного сохранилась и находится в подземном тайнике в Кремле. Какие-то книги царь мог вывезти и спрятать в других своих вотчинах, например в Коломенском, но основная часть должна быть в Кремле.

Поиски библиотеки Ивана Грозного стали главным делом жизни Стеллецкого, он называл библиотеку «Великим Искомым», своей Синей птицей. Работая в Московском губернском архиве, размещавшемся в кремлевских и Китайгородских башнях, а затем в Архиве министерства юстиции, он получил возможность осмотреть подземелья и еще более уверился в наличии древних тайников.

В 1914 г. он печатает в газете «Утро России» статью «Царь Иван Грозный. (К поискам его библиотеки в кремлевских подземельях)». «Остановка за творческой инициативой, поиски, надо надеяться, не заставят себя ждать. Но кто возьмет на себя связанные с ними расходы?» – спрашивал он. К сожалению, раскопки в Кремле произвести не удалось, но, занимаясь исследованиями подземелий, Стеллецкий стал признанным знатоком подземной Москвы. Он пришел к выводу, что «почти под каждым московским старым домом, построенным не меньше, чем полтора-два столетия – двести лет назад, есть какие-нибудь таинственные сооружения, подземные палаты и ходы, проложенные на случай непредвиденных событий. Известно, например, что слишком глубоко запустивший руку в казну царский свояк, знаменитый боярин Борис Ивано-

вич Морозов в 1648 году только потому спасся от народной расправы, что успел по тайному ходу ускользнуть в Кремль.

В системе доказательств существования библиотеки самым слабым пунктом было отсутствие подлинника описи, обнаруженной и опубликованной Дабеловым. Стеллецкий получает от Московского археологического общества и Архива министерства юстиции командировку в Прибалтийский край. В архиве Пярну он нашел этот список, прочел его, снял копию и вернул документ, чтобы позже приехать с фотоаппаратом и сфотографировать его. Но попасть снова в Пярну ему не удалось: началась Первая мировая война, затем революция, Эстонию и Россию разделила государственная граница. Только фотоснимок мог бы убедить ученых, считавших список Дабелова фальшивкой, но его не было, и Стеллецкий не стал публиковать новую копию, публично он заявил о своей находке этого документа лишь на склоне лет в статье, опубликованной через три десятилетия – в 1944 году.

После революции Стеллецкий вновь начинает кампанию за поиск библиотеки Ивана Грозного, за планомерное обследование подземной Москвы, он обращается в различные учреждения, публикует статьи в газетах, в духе времени формулируя свое требование археологических поисков в категорическом лозунге: «Настал час подземную Москву выверотить наизнанку!» При начатых в 1925 г. работах по строительству метрополитена обнаружилось подземные пустоты, колодцы и остатки подземных ходов. Особенно интересными представлялись Стеллецкому подземные ходы в районе Библиотеки имени Ленина, Воздвиженки, Кисловки между постройками Опричного дворца Ивана Грозного, куда он переселился из Кремля после введения опричнины. В ноябре 1933 г. Стеллецкому предложили произвести поиски библиотеки в Кремле. «Мечта осуществляется после двадцатипятилетнего ожидания!» – записал он в дневнике 1 декабря 1933 г.

Стеллецкий приступил к работе в Кремле с твердой уверенностью о месте нахождения библиотеки. В последней опубликованной им при жизни статье по этому вопросу в 1944 г. он сформулировал свой «кремлевский» вариант наиболее четко.

Рассказывая о строительстве подземного тайника Аристотелем Фиораванти, Стеллецкий дает также топографическое описание его. «Главным связующим звеном подземного Кремля служил большой, в три метра шириной, с Плоским плитяным перекрытием, тоннель через весь Кремль, между Тайницкой и Собакиной башнями. По правой стороне его, идя от Собакиной башни, были сделаны через известные промежутки широкие и длинные сводчатые глухие помещения, упирающиеся в фундамент кремлевской стены, вдоль Александровского сада. Одно из этих помещений впоследствии было занято Иваном Грозным под царский архив. Библиотечный тайник Софии Палеолог в районе кремлевских соборов был недоступнее, к нему вело специальное ответвление от «Макарьевского хода», искусно заделанное и неприметное для неискушенного глаза. Впоследствии сверху, из кремлевского дворца Ивана Грозного в этот тайник-книгохранилище вела белокаменная потайная лестница. Выходные из Кремля подземные ходы проходили под тремя или четырьмя кремлевскими башнями. Такова в основном картина подземного Кремля».

Поиски тайника Стеллецкий начал с Арсенальной башни, от которой шел подземный ход, обнаруженный его предшественниками. В процессе работ предположения археолога, кажется, подтверждались: он обнаружил ход, который мог быть сооружен Аристотелем Фиораванти. В дневнике появляются записи: «Синяя птица, кажется, вся в руках!», «Завтра буду выбирать песок и искать противоположную стену. Если такую найду, библиотека Ивана Грозного, Ивана Губителя – так называл его Забелин – найдена!». Однако дальнейшие поиски приостановила внезапно затопившая подземелье вода, рабочие приступили к сооружению водоотвода, Стеллецкий получил отпуск и путевку в санаторий. Когда же в январе 1935 г. он вернулся в Москву и позвонил в комендатуру Кремля, ему ответили, что все раскопки прекращены.

Таким образом, и эта попытка пройти подземными ходами Кремля в поисках библиотеки Ивана Грозного не была доведена до конца.

Наступили времена, когда о каких-либо исследованиях подземной Москвы нельзя было и думать. Стеллецкий продолжал обращаться с заявлениями в различные инстанции, но они не имели никаких практических последствий и оседали в канцеляриях. Сама тема поисков библиотеки оказалась вроде бы под негласным запретом, целое десятилетие по ней не появлялось никаких печатных публикаций.

Кажется, только один-единственный человек (во всяком случае, мне неизвестно о каких-либо других публичных выступлениях), известный краевед-педагог, замечательный лектор А. Ф. Родин в конце тридцатых годов, еще перед войной, начал выступать с лекцией «Клады и сокровища, обнаруженные в Москве и Подмосковье», в которой рассказывал об археологических находках при строительстве метро и других земляных работах; затем он подводил слушателей к мысли, что не все клады обнаружены и существуют клады иного рода. «Теперь я перехожу к новому вопросу, – говорил он, – к вопросу о поисках клада, на этот раз не денежного и не бытового – я перехожу к рассказу о поисках библиотеки Ивана Грозного». С годами эта часть лекции становилась обширнее, в военное время, когда история вновь получила права на внимание к себе, она заняла почти половину лекции.

А.Ф. Родин выступал с этой лекцией в госпиталях, в воинских частях, в Доме ученых, перед учителями, школьниками и в других аудиториях. Таким образом, проблема поисков библиотеки Ивана Грозного продолжала жить в своеобразном устном – лекционном предании, и, надобно сказать, довольно широко распространенном в Москве. Свой рассказ Родин строил на данных Стеллецкого, с которым был хорошо знаком с двадцатых годов по обществу «Старая Москва», и разделял его мнение, что библиотека находится в кремлевском тайнике. Он всячески поддерживал старого археолога, хлопотал о назначении ему пенсии, при его содействии в журнале «Наука и жизнь» № 7–8 за 1944 г. была напечатана, как ответ на вопрос читателя, статья Стеллецкого «Судьба библиотеки Ивана Грозного», которую автор заканчивает словами, полными энергии и твердой веры в свою правоту: «Теперь мы стоим на грани решения вопроса. Замечательная библиотека Ивана Грозного, счастливо уцелевшая и от неблагоприятных стихий, и от разрушительной руки человека, должна быть найдена».

Но статья Стеллецкого не нашла ожидаемого отклика. В 1949 г. Стеллецкий умер. В начале 1950-х гг. А.Ф. Родин в своей лекции о кладах отмечал: «В данный момент никто не работает над этой проблемой, и она не стоит на очереди ни в одном учреждении, ни лично у кого-либо из ученых. Мне кажется, что если вопрос спорен, то тем необходимее произвести поиски библиотеки до конца».

Статья Стеллецкого в 1944 г. была единственной серьезной публикацией по проблеме библиотеки Ивана Грозного в течение почти тридцати лет, ученые эту проблему игнорировали. Но научно «скомпрометированная» проблема все же вызывала постоянный интерес, и постоянно находились энтузиасты, которые занимались ею.

В 1947 г. репортерская судьба свела со Стеллецким начинающего литератора Василия Николаевича Осокина. Рассказ археолога о библиотеке Ивана Грозного произвел на него большое впечатление; впоследствии эта тема заняла большое место в его исследовательских интересах и писательском творчестве. Вообще, надо сказать, все эти долгие годы темой библиотеки занимались главным образом не ученые-историки, а литераторы: в пятидесятые годы З.С. Давыдов работает над книгой «Звезды на башнях» об истории Московского Кремля, в которой большое место уделено библиотеке Ивана Грозного, Г.Н. Гребнев пишет приключенческую повесть «Пропавшее сокровище», Р.Т. Пересветов в книге «Тайны выцветших строк» подробно рассказывает об эпопее поисков библиотеки.

Роман Тимофеевич Пересветов писал книгу несколько лет, начинал ее под сильным влиянием скептического отношения историков, с которыми консультировался при работе, но

по мере того, как знакомился с документами и источниками, он освобождался от скепсиса. Обычно в читальном зале Исторической библиотеки его стол бывал так загроможден старинными и новыми фолиантами, что самого писателя за ними не было видно. Перипетии драматической истории, незамечаемая прежде связь событий вдруг наталкивали на новую мысль, гипотезу; тогда он, взволнованный ею (каждому исследователю известно это состояние), искал в зале знакомого, спрашивал: «не пора ли вам покурить?» (сам он не курил и не любил табачного дыма), шел в курилку и там, окутанный сизым облаком, захлебываясь словами, опровергал или доказывал, заражая своей увлеченностью. Вообще, по моим многолетним наблюдениям, с тех пор, как я школьником-шестиклассником в 1942 г. пришел в исторический кружок Дома пионеров, которым руководил А.Ф. Родин, всех, кто способен увлечься проблемой поисков библиотеки Ивана Грозного, отличают общие черты: увлеченность и романтичность восприятия мира. И еще одно наблюдение: кому пришлось, или, вернее сказать, посчастливилось, прикоснуться к этой теме, это уже навек, и чем бы он ни занимался, можно с уверенностью предсказать, что когда-нибудь все равно вернется к ней.

Итак, Пересветов начинал работу над своей книгой при скептическом отношении специалистов-историков, а заканчивал, когда вопрос о библиотеке Ивана Грозного вновь получил возможность обрести статус сюжета не беллетристического сочинения, а научно-исторического исследования.

В январском номере журнала «Новый мир» за 1960 г. появилась статья академика М. Н. Тихомирова «О библиотеке московских царей. (Легенды и действительность)».

«В истории встречаются загадки, – писал М. Н. Тихомиров, – которые долго привлекают к себе внимание и подчас так и остаются неразрешимыми. К числу таких загадок относится и вопрос о библиотеке московских царей XVI–XVII вв. <...> А между тем вопрос о библиотеке московских царей выходит далеко за пределы простого любопытства. Он имеет громадное значение для понимания культуры средневековой России. Вот почему нам хотелось бы заново поставить эту проблему и познакомить любителей прошлого нашей Родины с одной из ярких страниц ее истории.

Труд Белокурова сыграл своего рода роковую роль в вопросе о библиотеке московских царей. <...> С этого времени в так называемых «серьезных профессорских кругах» кадетского толка говорить о библиотеке московских царей сделалось даже несколько неприличным. Это стало считаться показателем «квасного патриотизма» и недостаточного критицизма в науке». Далее М.Н. Тихомиров разбирает сведения о библиотеке и делает вывод (в публикации статьи специально выделенный разрядкой): «Библиотека московских царей с греческими и латинскими рукописями существовала – это факт, не подлежащий сомнению». Заклучалась статья призывом возобновить поиски:

«Может быть, сокровища царской библиотеки лежат еще в подземельях Кремля и ждут только, чтобы смелая рука попробовала их отыскать. А такие подземелья и в самом деле существовали в Кремле с XVI в.

Старая пословица гласит: «Попытка не пытка, а спрос не беда». Поиски этих сокровищ в древней кремлевской земле будут стоить сравнительно недорого, а находка, возможно, сохранившейся библиотеки – подчеркиваем, возможно, так как нет уверенности, что она еще существует, – имела бы громадное значение».

Пересветов заканчивает свое сочинение цитатой из этой статьи.

Впрочем, нельзя сказать, что все ученые до М. Н. Тихомирова были скептиками в отношении библиотеки Ивана Грозного. Н.Н. Зарубин – «выдающийся, – как характеризует его С.О. Шмидт, – знаток древнерусской письменности, книговед, библиотеквед, текстолог, археограф», погибший в 1942 г. в блокадном Ленинграде, в тридцатые годы написал работу «Библиотека Ивана Грозного и его книги», оставшуюся в рукописи и напечатанную только в 1982 г. Зарубин признает существование библиотеки, о ее дальнейшей судьбе говорит, что

«судьба библиотеки Грозного остается до сих пор загадочной». С.О. Шмидт сближает работы этих двух ученых: «Любопытно отметить, что аргументация обоих авторов – и Зарубина, и Тихомирова – во многом близка».

Статья М.Н. Тихомирова имела следствием то, что была создана Общественная комиссия по розыску библиотеки Ивана Грозного, в которую вошли ученые, журналисты, писатели и которую возглавил Тихомиров.

Р. Т. Пересветов вспоминал: «И вот в морозный январский день 1963 года в кабинете директора музеев Кремля И. И. Цветкова собрались историки, археологи, архивисты – члены созданной по инициативе академика М. Н. Тихомирова общественной комиссии по розыскам библиотеки Ивана Грозного. Теперь разговор шел уже о том, как искать, можно ли возобновить раскопки и с чего начинать».

...Участники совещания вышли из Оружейной палаты и через Боровицкие ворота направились к станции метро «Библиотека имени В.И. Ленина». Все были немного взволнованы и явно обрадованы. Будто вырвавшаяся из рук археолога синяя птица снова появилась над Кремлем».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.